
АННА
Янсен
Каждый своей дорогой
БЫВШИЕ

Анна Янсен

Бывшие. Каждый своей дорогой

«Автор»
2026

Янсен А.

Бывшие. Каждый своей дорогой / А. Янсен — «Автор», 2026

—Лиза, прошу, без истерик. Катя ждёт от меня ребёнка. Прости но мы с тобой — разные люди. Всё в прошлом — так сказал мужчина, которого я когда то любила всем сердцем.Тогда я просто ушла. Без слёз, без криков. Ушла навсегда. Но уже через несколько недель узнала: под моим сердцем растёт его ребёнок. Ребёнок того, кто уверял, что я больна, что никогда не смогу стать матерьюПрошло пять лет.Я вырастила дочь, научилась улыбаться, не оглядываться на прошлое. Жизнь понемногу наладилась. Пока однажды он снова не появился на пороге — со своей женой и маленькой девочкой за руку. Их дочерью.Он привёл её в мой детский сад, в мою группу. Теперь я должна принимать, оберегать и любить их ребёнка — как любого своего воспитанника. И при этом — хранить тайну, которая перевернёт жизни всех, если всплывёт наружу.Когда наши взгляды встретились, он сделал вид, что видит меня впервые. Но не это главное. Главное то, чтобы он никогда не узнал, что его еще одна дочь растет без него

© Янсен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 1.2 7
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 22
Глава 7 26
Глава 8 29
Глава 9 36
Глава 10 41
Глава 11 45
Глава 12 48
Глава 13 52
Глава 14 56
Глава 15 60
Глава 16 64
Глава 17 68
Глава 18 72
Конец ознакомительного фрагмента. 75

Анна Янсен
Бывшие. Каждый своей дорогой

Глава 1

— Мама, а можно мне ещё конфету? — отвлекает меня Каролина, моя маленькая непоседа, от черновиков для новогоднего утренника.

Передо мной разбросаны листы с идеями: песни, сценки, даже костюмы. Мы с коллегами собираем всё, что только можем, ведь перед праздниками премии начисляют по активности. А сейчас, когда я воспитываю дочь одна, я стараюсь ухватиться за каждую возможность. Любую.

— Доченька, уже хватит сладкого, — говорю я, оборачиваясь к ней. — Мы же с тобой договорились: следим за питанием, как мама. Живём здорово и по режиму, ладно?

Каролина надувает губы, но послушно кивает. А я не удерживаюсь и целую её в мягкую, тёплую щёчку.

Она моя маленькая копия: те же круглые щёки, те же упрямые глаза. Я в её возрасте ужасно стеснялась этих щёк, а сейчас не могу налюбоваться. Жаль только, что вместе со мной Каролина унаследовала не только внешний вид, но и мою болезнь…

Сахарный диабет стал частью моей жизни ещё в подростковом возрасте.

Помню тот день, когда я впервые услышала диагноз: я плакала громко, без стыда, так, как плачут только дети. Тогда мама буквально держала меня за руку, не давая развалиться на кусочки. Она повторяла:

— Это не болезнь, дочка. Это просто другой путь. Новый образ жизни.

Я тогда не поняла. Но теперь понимаю.

Со временем я действительно нашла в этом свои плюсы.

Я научилась слушать своё тело, и оно благодарно ответило мне здоровьем и формой. Диета и режим стали не наказанием, а дисциплиной.

Пока другие подростки таскались по заброшкам и зависали во дворах, я бегала на тренировки. Танцы стали моим спасением, моим дыханием. Сейчас я подрабатываю в студии: обучаю малышей, иногда подростков. И каждый раз, глядя, как они двигаются, ловлю себя на мысли, что всё не зря.

Когда-нибудь я открою свою танцевальную студию. Обязательно.

Но пока вся моя жизнь сосредоточена в Каролине: в её смехе, её вопросах, в этих круглых щёчках, что пахнут карамелью и детством.

— Я одну! — довольная, визжит Каролина, успевая схватить конфету и тут же сунуть её в рот.

Моя маленькая хитрюга.

Конечно, я не могу, да и не хочу, запрещать ей всё сладкое. Иногда немного сахара просто необходимо, ведь при диабете бывает и обратная история, когда уровень падает слишком низко, и спасает только сладость.

Но с детьми это сложно. У них нет кнопки “Стоп”.

Иногда я не успеваю уследить, и тогда гложет чувство вины: опять не досмотрела, опять не сдержала…

Поэтому я сама попросила, чтобы Каролину определили в мою группу в детском саду.

Обычно так не делают: педагог не должен воспитывать собственного ребёнка на работе, но кто, если не я, будет следить за её самочувствием? Никто ведь не почувствует тонких перемен, как мать.

Каролина носит небольшую инсулиновую помпу, прикреплённую к боку на животе.

Иногда она сама забывает о ней, а я, наоборот, каждый раз ощущаю её невидимое присутствие: кусочек техники, от которого зависит весь наш день.

Мне так спокойнее: я вижу, как регулируется сахар, могу подать инсулин одной кнопкой. Всё просто, без слёз и уколов.

Но главное — я с детства стараюсь донести до неё мысль, которая когда-то спасла и меня:

“Это не болезнь, доченька. Это просто твой особенный ритм жизни”. Так меня учила мама. И я хочу передать это дальше, как оберег.

— Уже поздно, — вздыхаю я, — маму ты надурила, доча!

Каролина хихикает, не понимая, что я устала, что за всем этим мой страх ошибиться хоть на шаг.

Глава 1.2

Рабочий день закончился, дети разошлись, и я наконец могу перевести дух.

Мама одного из воспитанников принесла коробку фруктовых конфет: “без сахара”, как она сказала, но мы-то знаем, углеводы есть везде.

Ну и кто удержится, когда в группе пахнет новогодним настроением?
Мы с нянечкой распаковали пару штук, чтобы скрасить вечер подготовки к утреннику.
Каролина мгновенно оказалась рядом.

— Надурила, значит? — хихикает она. — Мама, а мы скоро домой?

— Скоро, милая, — отвечаю, вытирая ей липкие пальчики салфеткой.

— Там снега столько выпало! Можно на горку? Ну пожалуйста!

Она подпрыгивает на месте, волосы разлетаются, щёки пылают румянцем: живая, солнечная.

— Может, завтра, доченька? — отвлекаюсь от ноутбука, закрываю календарь утренника. — Сегодня мама устала…

Каролина надувает губы, но всё равно улыбается: искренне, по-детски, широко, как будто знает, что завтра я не устою перед её “пожалуйста”.

И в такие минуты я понимаю: ради вот этого света и стоит тащить на себе всё: и ночные проверки сахара, и двойную работу, и бесконечное чувство вины. Всё ради того, чтобы она могла просто быть счастливым ребёнком.

— Завтра же у нас новенькая? Помнишь же? — закрывает журнал Лариса Николаевна, моя уже верная подруга и помощница. Мы с ней сработались с первых дней. Нянечка для воспитателя очень много значит. Если не сойдётесь энергией и характером, то будет тяжело. А мы словно уже сто лет друг друга знаем. Лариса не собиралась выступать на утреннике, но поддалась моим уговорам. И теперь будет играть роль в нашей сказке на утреннике.

— Да, помню, конечно. Они переехали что ли? Под конец года ребёнка переводить, странно… — усмехаюсь я.

Я работаю в частном детском саду в одном ЖК районе Подмосковья. Мы с Каролиной снимаем неподалеку здесь студию, так как мне в этом месте больше платят, и я цепляюсь за любую возможность.

— Да, похоже. Петрова Василиса Михайловна! Вот так девочку зовут, — улыбается Лариса Николаевна, открывая журнал.

— Петрова? Михайловна? — переспрашиваю я, широко раскрыв рот и ощутив внутри какой-то бешеный ритм своего сердца. Оно стало стучать так, будто вот-вот выпрыгнет.

— Эмм… Ну да, Петрова… Фамилия распространенная… — улыбается Лариса. — Да и имя… — вдруг замолкает. — Бывший же твой тоже Михаил… — аккуратно проговаривает Лариса и смотрит на меня растерянно. — Он Петров? Лиз? — повторяет ещё тише, глядя на Каролину, которая уже стоит на голове от безделья.

— Ладно, это наверно какое-то глупое совпадение! — хлопаю ноутбук и вскакиваю, словно выстреленная, со стула. — Надо собираться домой… Дочь еще обещала на горку сводить! — говорю я на каком-то азарте, понимая, что совпадений быть не может… У него действительно есть дочь…

Я говорю это слишком быстро, слишком бодро, словно пытаюсь убежать от мыслей.
Но внутри что-то уже сдвинулось.

Не может быть совпадением. Не может.
Пять лет я старалась не вспоминать, не произносить его имя.
Тот самый Петров — человек, который когда-то снёс мою жизнь, как карточный домик, и ушёл. Ушёл к другой, не дав ни объяснений, ни шанса.

Тогда я думала, что ненавижу его.
А потом… узнала, что беременна.
И решила, что тишина между нами пусть так и останется тишиной.

Теперь же это имя снова вошло в мою жизнь, тихо и неожиданно, через журнал группы и ребёнка, которому завтра я должна буду улыбнуться.

Я гляжу на Каролину — она всё ещё смеётся, подбрасывает мишку вверх.
И сердце сжимается от ужаса.
Что если… если эта новая девочка — его дочь?

Глава 2

Три года до

— Лиза, вставай! Уже утро! Хватит спать! — голос свекрови режет тишину, и я, не открывая глаз, уже чувствую её присутствие.

Потом — мягкий шелест халата, лёгкое постукивание небольших каблуков по полу.

Открываю глаза — надо мной действительно стоит она. Строгая, собранная, как всегда с утра идеально причёсанная. Из-под крупных очков сверкают её внимательные глаза — такие настороженные, что даже кофе не нужен, чтобы проснуться.

— Доброе утро… — тяну я, натянуто улыбаясь.

Мы с Мишей живём с его родителями вот уже почти год. Так сложилось: пока я заканчиваю учёбу в институте, а Миша старается утвердиться на фирме у отца.

Фирма, надо сказать, серьёзная — занимается продажей дорогих строительных материалов, клиенты там люди состоятельные, и Миша очень старается доказать, что способен работать не только “по папиной протекции”.

Но всё равно — жить под одной крышей со свекровью не так просто.

Каждое утро начинается одинаково: её безупречная причёска, укоризненный взгляд и ощущение, будто я всё ещё гостья, хотя мы уже как семья.

Через полгода у нас с Мишей свадьба.

Мы мечтаем о собственной квартире — той, где можно будет завтракать в пижамах, не оглядываясь на чужие взгляды и не слушая мою свекровь.

Но сейчас пока мы не можем себе это позволить. Свою студию подаренную государством, я сдаю, и Миша не хочет жить в маленькой комнате, да и его работа от неё находится совсем далеко. Поэтому он хочет заработать на свою квартиру или даже дом.

Миша клялся, что к этому времени всё устроит, и я верю ему… надеюсь, верю.

— Ну что же ты лежишь?! Вот же уже восемь утра! Вставай, давай, помогай мне по дому! — продолжает паниковать свекровь. — Вот как вас воспитали в этом детском доме?! Ни хрена не умеешь! Никакой ответственности!

— Любовь Афанасьевна, ну что вы кричите? Я уже встаю, встаю. Вчера с занятий поздно пришла, спина отваливается… — я убираю одеяло и пытаюсь продрать глаза.

Хоть Миша и до сих пор злится на меня за это. Ведь он кричал о том, что его жена вообще не должна работать. Но я до сих пор пытаюсь ему объяснить, что для меня это очень важно и дело не в деньгах. Я веду спортивно-эстрадные танцы для маленьких и пилатес для взрослых девушек. Я всегда буду работать, сидеть дома, мыть посуду и быть без своего хобби — не моё. Но моя свекровь очень негодует по этому поводу. У неё кавказские корни, где женщина должна быть очагом в доме, а мужчина добывать деньги…

Так вышло, что моей мамы рано не стало… Мне было тогда шестнадцать. Я кое-как оправилась, и меня тут же поселили в детский дом, где я продолжила жить, так как никакие родственники меня не захотели забирать к себе. Отца у меня не было, он погиб ещё в молодости, подхватив инфекцию, а отчим нашёл другую семью…

Помню, как было трудно, я ревела после того, как начинался отбой, но просыпалась с улыбкой на лице, потому что была уверена, что моя жизнь однажды изменится. И это случилось…

В восемнадцать лет мне предоставили своё жильё, и я поступила в институт.

Учусь на педагога и, помимо учёбы, подрабатываю на танцах. Мне очень нравится это дело, и я подумываю о развитии. Хочется открыть что-то своё, ведь пока я арендую небольшой зал три раза в неделю.

— Вот они — твои танцульки! — выдыхает Любовь Афанасьевна, стоя в дверях и глядя на меня с таким видом, будто пришла на ревизию. — Ты скоро замуж за моего сына выйдешь, а ведёшь себя, как будто всё тебе должны! На всём готовеньком привыкла жить!

Её слова бьют точно в цель — в мою самооценку, по которой она, кажется, стреляла не раз и не промахивалась.

— Вы что имеете в виду, Любовь Афанасьевна? — стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожит. — Я, между прочим, работаю. Сама зарабатываю. Ничьими деньгами не пользуюсь! Даже продукты покупаю на свои!

— Ах, работаешь, — хмыкает она, закатывая глаза. — Танцы твои… Кому это нужно? Пляшешь за копейки! Миша вот говорит, на аренду тебе даёт, чтобы не закрыли тебя совсем. Работа в минус, Лиза! Лучше бы о моём сыне подумала, а не о своих танцульках!

Я резко поднимаюсь, накидываю халат и делаю к ней шаг. Не из агрессии — из усталости. Просто больше нет сил стоять и молчать.

— Пожалуйста, выйдите из моей комнаты, — говорю тихо, но твёрдо. — До прихода вашего сына ещё целый день. Я всё успею: и убрать, и приготовить.

— Из твоей комнаты?! Ишь, какая стала! Командует в моём доме! Лиза, я же к тебе с добром…

Она приподнимает брови, видимо, не ожидала, что я осмелюсь ответить.

— Довольно вашего добра! И хватит, пожалуйста, обсуждать мою работу, — добавляю уже увереннее. — Я люблю то, чем занимаюсь. Миша действительно помог один раз с арендой — и я всё вернула. Продуктами, бытовой химией, из зарплаты. У нас общий бюджет, но не общий кошелёк. Понимаете?

Любовь Афанасьевна качает головой, что-то бурчит под нос и уходит, громко хлопнув дверью.

Тишина режет уши.

Я опускаюсь на край кровати, чувствуя, как тяжело под кожей пульсирует злость, вперемешку с виной.

Миша говорит: «Потерпи, это же мама, она добрая, просто строгая».

Добрая… возможно, когда-то.

Но я всё чаще ловлю себя на мысли, что не хочу терпеть. Хочу жить.

Просто отдельно, спокойно. Без постоянных упрёков и чужих ключей в нашу дверь.

Сегодня я решила: вечером поговорю с Мишей.

Так больше нельзя.

Пора снимать квартиру, иначе я просто задохнусь от этой чужой, навязчивой «любви» под одной крышей.

Весь день Любовь Афанасьевна демонстративно лежала на диване с тонометром, громко вздыхала и всем своим видом показывала, что страдает.

А я… вместо облегчения чувствовала вину.

Хотя отлично знала — начала она. Опять эти колкости, опять этот тон, будто я лишняя в собственном доме.

После обеда услышала, как она разговаривает по телефону. Голос чуть осипший, но бодрый.

Убирая пыль на полках в коридоре, я невольно остановилась у её двери. Не нарочно — просто шаг застыл сам собой, когда до меня донеслись слова:

— Зой, ты приходи, обязательно приходи с Катенькой! — смеётся она громко, фальшиво-приветливо. — Мишка будет очень рад! Давно ведь не виделись!

Катенькой?

У меня внутри всё сжалось.

Катя — та самая, с которой Миша встречался до меня. Та, про которую его мать всегда говорила с ностальгией, будто это идеальная невеста, которая «упустила счастье».

Я оторопела. Что она вообще творит?

Она свою подружку зовёт на день рождения моего мужа и притащить с собой его бывшую?!

Без стыда, без даже попытки спросить!

Господи, да это уже не границы — это просто издевательство.

Я стояла с тряпкой в руке, смотрела в одну точку и чувствовала, как внутри всё закипает.

Каждое её слово будто специально — на укол.

Она делает это нарочно.

Она опять сватает их, снова мечтает, чтобы «Катенька вернулась».

Вот теперь и стало окончательно ясно: если мы не съедем — я уйду сама.

Хоть в пустую квартиру, хоть на съёмную комнату, хоть с одним чемоданом — но туда, где дышится свободно.

Я не обязана заслуживать любовь свекрови, как экзамен.

И не позволю разрушить то, что мы с Мишей ещё пытаемся сохранить.

Глава 3

Все утро я стояла перед зеркалом, рассматривая тёмные круги под глазами. Каролина всю ночь ворочалась, сбрасывала одеяло, бормотала что-то во сне, а я никак не могла уснуть.

И всё это время в голове крутилась одна и та же мысль — Петрова Василиса Михайловна.

Сегодня эта девочка должна прийти к нам в группу. Совпадение? Случайность? Нет… Наверное, просто совпадение. Мир всё-таки большой. Тысячи Петровых на свете, тысячи Михаилов. Но почему-то именно сейчас, именно этот Петров Михаил всплыл в списке новых родителей.

И сердце при одном его имени кольнуло, будто где-то глубоко под кожей шевельнулось прошлое, от которого столько лет я пыталась убежать.

— Мама, я не хочу сегодня в садик, — протянула Каролина сонным голосом, надув губки. Её волосы торчат в разные стороны, глаза чуть припухшие — видно, тоже не выспалась. Не знаю, что мешало ей уснуть — жара от чересчур сильного отопления, луна или мои бесконечные перевороты в кровати.

— Придётся, дочь, — вздыхаю я, поправляя ей прядь за ухо. — Если ты не пойдёшь в садик, то и я не смогу пойти на работу. А без этого никак.

Каролина шмыгает носом и обиженно опускает взгляд. Я смотрю на неё — маленькую, растрёпанную, мою — и ощущаю, как внутри закручивается тугой узел. Сегодняшний день будет непростым. Очень.

— Ты можешь не идти на работу, мама! — восклицает Каролина, пока я пытаюсь её одеть. — Пойдём опять на горку, а? Попросим дядю Серёжу, он нас покатает!

Она сияет, полная энергии, словно не помнит, как ещё пару минут назад капризничала и не хотела вставать. Я смотрю на неё и невольно улыбаюсь.

— Нет, дочь, — придерживаю её за плечо, пока заплетаю непослушные косички. — Мне нужно идти на работу. На кого я оставлю целую группу? Лариса Николаевна одна не справится, так что у нас с тобой нет выбора.

— Это из-за денежки, да, мама? Ты туда идёшь за денежкой? — прищуривается Каролина, хитро улыбаясь, будто разгадала какой-то взрослый секрет.

Я не удерживаюсь от мягкого смеха. — Да, милая, из-за денежки тоже. Я работаю ради нас с тобой, чтобы мы вкусно кушали, могли покупать мороженое и весело встретили Новый год. Ты же хочешь на ёлку сходить, правда?

— Хочу! — торжественно заявляет она и вдруг спрашивает: — А папа скоро приедет? Он же тоже денежку зарабатывает, да, мама?

Слова замирают где-то в горле. Она смотрит на меня такими серьёзными, доверчивыми глазами, что я ощущаю, как будто внутри всё выгорает. Каждый раз, когда слышу этот вопрос, в груди будто что-то рвётся.

Да, когда Каролина начала взрослеть и задавать свои логичные вопросы, мне пришлось соврать. Однажды я показала ей фотографию её настоящего отца — в ту секунду у меня дрогнула рука — и соврала. Сказала, что папа просто много работает и скоро приедет.

Кем я в тот момент была — взрослой женщиной или ребёнком, который сам прячется от правды?

Иногда я думаю: ну и что, что придумала? Пусть верит, пусть её детство будет хоть чуть теплее. Но потом… я открываю случайно его страницу, вижу фотографии — его жена, их дочь, новогодняя ёлка… И понимаю: моя Каролина никогда не увидит своего отца.

На что я рассчитывала все эти годы? Что чудо случится? Что однажды он постучит в дверь и скажет: «Я вернулся»?

Я лишь вздыхаю, вытираю руки о полотенце и говорю с улыбкой, словно ничего не случилось: — Да, милая, он работает. Очень много работает, чтобы мы с тобой могли им гордиться.

Каролина кивает, довольная ответом, и бежит за рюкзаком. А я смотрю ей вслед и понимаю — она взрослеет быстрее, чем я успеваю быть готовой к её вопросам.

В садик мы с Каролинкой приходим самыми первыми — ещё темно, на улице только-только сереет.

В полседьмого мы уже в группе. За эти годы я приучила её ложиться спать в девять, чтобы утром она могла проснуться без слёз и капризов… Хотя сегодня она по-настоящему устала.

Каролина, посапывая, вошла в группу, и, пока я развешивала сменку и включала свет, уже побежала к полке с игрушками.

— Разложи их, пожалуйста, чтобы детям потом было удобно играть, — говорю я, чтобы чем-то занять её, пока не начали приходить остальные.

Она кивает с важным видом и принимается строить из кубиков башню. А я сажусь за компьютер — дописать сценарий утренника, проверить музыку, подправить слова ведущего. Пальцы машинально ударяют по клавиатуре, но мысли всё время уплывают: о деньгах, о лекарствах, о сегодняшней новенькой…

— Елизавета Сергеевна, подойдите, пожалуйста, — слышу за спиной голос Анастасии Семёновны, руководителя нашего детского сада.

Я торопливо сворачиваю документ, сердце делает короткий скачок.

— Да, конечно. Что-то случилось? — выхожу в коридор.

Оттуда тянет запахом моющего средства и утренней прохладой — дежурная нянечка только что мыла пол. Каролина из-за двери напевает под нос, не замечая моего беспокойства.

— Давайте выйдем, поговорим… без камер, — Анастасия Семёновна понижает голос и оглядывается по сторонам. Настороженно морщит губы. Видно, вопрос деликатный. — Я пригласила психолога, она немного последит за Каролиной, хорошо?

— Хорошо, конечно, — отвечаю, стараясь звучать спокойно, хотя внутри всё сжимается.

Когда тебя зовёт начальство «выйти поговорить», ничего хорошего обычно не жди. Я автоматически начинаю мысленно прокручивать вчерашний день: не было ли жалоб от родителей, не поссорились ли дети, не забыла ли я закрыть шкаф с красками? Всё чисто. Но страх всё равно живёт где-то под рёбрами: мне нельзя потерять эту работу.

Я делаю вдох, прячу ладони в карманы костюма, выпрямляю плечи и стараюсь не показать, как mучащённо бьётся сердце. — Пойдёмте, — говорю, хотя на самом деле мне меньше всего хочется узнать, что именно она собирается сказать.

Глава 4

Выйдя в коридор, я замечаю, как Анастасия Семёновна осматривается, будто проверяет, нет ли посторонних. Потом подходит ближе, почти вплотную, и говорит тихо, чтобы камеры не записали.

Я невольно напрягаюсь, но всё равно наклоняюсь чуть ближе — любопытство сильнее тревоги.

— Елизавета Сергеевна, вы, наверное, уже в курсе, что сегодня в вашу группу приведут новую девочку?

Сердце мгновенно пропускает удар, будто кто-то изнутри толкнул его кулаком.

Конечно, в курсе. Эту фамилию я мысленно повторяла всю ночь, тысячу раз.

— Да, конечно, — отвечаю как можно спокойнее. — А что-то не так?

Анастасия Семёновна тяжело вздыхает, кончиками пальцев поправляет на груди бейдж.

— Понимаете, я вчера разговаривала с заведующей того детского сада, где раньше была эта девочка. Так вот… девочка… Она с очень непростым характером, как говорится.

Я чуть улыбаюсь, пытаясь разрядить обстановку.

— Да я понимаю. У нас в группе и похуже бывало, — пожимаю плечами. — Вы же знаете, я стараюсь найти к каждому ребёнку свой подход.

— Да, но дело не совсем в ребёнке, — перебивает она мягко, но настойчиво. — Проблема скорее в семье. Её дедушка работает в администрации, занимает довольно высокую должность. Ну а мать… — она чуть понижает голос, — женщина с характером. Считается почти неприкасаемой. В прошлом саду, насколько я поняла, все выдохнули, когда они таки перевелись — официально из-за переезда.

Я застываю. Медленно вдыхаю, стараясь не выдать, как внутри всё холодеет. Нет, я умею работать со сложными детьми — за полтора года в саду чего только не было: и капризы, и истерики, и родительские претензии.

Бывало, после особенно тяжёлых дней сидела в туалете и плакала в ладони, чтобы никто не услышал. Но всё равно возвращалась — потому что здесь Каролина. Пока она ходит в этот сад, я не имею права сдаться.

— Ну и ладно, — улыбаюсь, выпрямляясь. — Как-нибудь справимся.

Анастасия Семёновна внимательно смотрит на меня, словно пытается убедиться, что я действительно всё поняла.

— Просто будьте аккуратны, Елизавета Сергеевна. Наш сад частный, вы знаете. Любая жалоба сверху может обернуться проверкой. И… — она чуть смягчает интонацию, — Я направила девочку именно в вашу группу, потому что из всех воспитателей больше всего доверяю именно вам. Ну и наша группа одна с логопедической подготовкой…

— Спасибо за доверие, — выдыхаю, хотя чувствую, как в груди начинает отбивать учащённый ритм.

Возвращаясь в группу после разговора с Анастасией Семёновной, я чувствую, как внутри всё ещё тянет тугой узел. Слова о новой девочке звучат эхом. Может, ничего необычного сегодня и не будет… А может, всё изменится.

Полчаса спустя приходит Лариса Николаевна — как всегда бодрая, с папкой в руках и неизменной кружкой кофе.

За ней один за другим начинают подтягиваться дети — знакомые лица, смешливые голоса, детские рюкзачки и запах яблочного сока.

Я чувствую, как постепенно отпускает. Воздух становится привычным, Каролина с кем-то спорит, какой карандаш «волшебнее».

Кажется, утро входит в своё обычное русло.

Я вытираю руки, решив на минуту отлучиться в уборную — освежиться, привести себя в порядок.

Из-за двери доносятся голоса. Узнаю спокойный тон Ларисы Николаевны:

— Здравствуйте! Сейчас подойдёт воспитатель, вы как раз познакомитесь. Можете пока выбрать шкафчик для вещей. Тебя как зовут, солнышко?

— Василиса! — слышится звонкий, немного картавый голосок, в котором уже чувствуется характер.

У меня пересыхает во рту.

Имя будто выстреливает прямо в грудь.

Я выхожу в коридор и… замираю.

Передо мной стоит Миша.

Рядом — Катя.

Та самая Катя, из-за которой вся моя жизнь когда-то пошла под откос. Катя, которой так радовалась его мама, когда он женился — почти демонстративно счастливо, будто ставя точку в нашей истории.

Всё вокруг будто на секунду теряет краски: голоса детей глушатся, свет мигает.

Миша выглядит чуть старше, взрослее, но глаза те же — светло-серые, внимательные, от которых у меня когда-то кружилась голова.

Он видит меня и будто не сразу верит своим глазам.

Рядом с ним — маленькая девочка в розовой курточке и вязаной шапке с помпоном.

Она внимательно смотрит прямо на меня своими огромными глазами.

В груди всё сжимается так, что трудно вдохнуть.

Вот она, Василиса Михайловна Петрова — дочь моего прошлого и девочка, которую я должна научиться любить, хотя бы как своего воспитанника.

— Здравствуйте, — первой произносит Катя ровным, чуть надменным голосом.

Ни одного лишнего взгляда, никакого узнавания — будто стерла из памяти.
Она смотрит на меня так же, как и тогда…
Как будто я была не человеком, а досадным эпизодом, о котором не стоит вспоминать.
Тот же холод в глазах, та же тонкая, почти незаметная усмешка, что когда-то смела меня со своего пути.

— Мама, это моя новая воспитательница? — вдруг звонко спрашивает девочка, держа Мишу за рукав и показывая пальчиком прямо на меня.

Её голос будто рассекает воздух.
Миша дёргается, замирает, глаза расширяются — в них вспыхивает узнавание, шок, что-то похожее на стыд.

Он краснеет, тяжело выдыхает, пальцы на рукаве дочери чуть дрожат.
Кажется, ему так же трудно дышать, как и мне.

Мой первый порыв — отвести взгляд, спрятаться за профессиональной улыбкой воспитателя, играть роль, как и они. Видимо, сегодня всем нам придётся надеть маски.

— Да, Василиса, это твоя новая воспитательница… Если я правильно поняла… Или вы уборщица? — усмехается Катя в нервной ухмылке. Она делает вид, что не знает меня, так же как и Миша…

А я стою посреди коридора, в этом стерильном свете, среди детских шкафчиков, и думаю:
Как странно. Столько лет прошло, а сердце всё равно реагирует, будто это случилось вчера.

— Очень приятно познакомиться, Василиса, — наконец говорю девочке, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Меня зовут Елизавета Сергеевна. Проходи, сейчас я покажу тебе нашу группу, — говорю как можно более приветливо и улыбаюсь, стараясь прийти в себя.

Девочка улыбается и крепче сжимает отцовский рукав. А я чувствую на себе взгляд Миши — тяжёлый, полон неловкости и немого признания, что прошлое сегодня снова постучалось в дверь.

Глава 5

Четыре года до

Миша сегодня задержался.

Весь день я ходила словно не своя, не в силах избавиться от горечи после разговора, случайно подслушанного утром. Эти слова застряли где-то под кожей, зудят с самого утра.

Ближе к семи свекровь всё-таки вышла из своей комнаты. Я сидела в гостиной с книгой, делая вид, что читаю. Она посмотрела на меня и скривила губы так, будто перед ней не человек, а недопеченное тесто.

— Ну как вы себя чувствуете? — спрашиваю вежливо, для приличия. Весь день она только и делает, что вздыхает и охает, будто специально громче, чтобы я слышала. — Может, всё-таки скорую вызвать?

— Ой, ты посмотри какая заботливая! — протягивает она с ядовитой усмешкой. — Сначала довела меня, а теперь спрашиваешь, как я! Я ведь столько для вас делаю — приняла как родную, а ты…

— Любовь Афанасьевна, я, вообще-то, весь дом убрала и ужин приготовила, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не повысить голос. — Вы просто сами себя накручиваете.

— Ужин, говоришь? — резко говорит и идет на кухню, и я уже чувствую, что будет дальше.

Она поднимает крышку одной кастрюли, потом другой, вдыхает запах и с демонстративным ужасом округляет глаза.

— И это ты называешь ужином?! Эти котлеты же чёрные! Их только собаке скормить!

— Да не сгорели они! — вскакиваю с места. — Немного поджарились, но внутри мягкие. Хватит придираться к каждой мелочи! Я устала. Вам всегда всё не так — и еда, и уборка, и воздух, наверное, не того состава!

— Ага! Вот, начинается! — она театрально хватается за сердце. — Ты ещё скажи, что я придираюсь из вредности! У меня уже давление, сердце колотится, а ты орёшь! Хочешь довести меня? Инфаркт мне устроить?!

— Любовь Афанасьевна, ну сколько можно! — срываюсь наконец. — Вы мне просто жить не даёте! Всё время ищете, к чему прицепиться. Сегодня я поговорю с Мишей. Мы съедем. И как можно скорее!

После моих слов в кухне нависает густая тишина. Лишь где-то в соседней комнате тикают часы.

Свекровь стоит с открытой крышкой кастрюли, будто не верит, что ей осмелились ответить.

А я впервые за долгое время чувствую — не страх, не обиду, а какое-то странное, горькое облегчение.

— Ой, ой… как же мне плохо… Сердце… — свекровь театрально хватается за грудь и медленно оседает на стул.

Я замираю на мгновение, а потом бросаюсь к ней.

— Что с вами?! Любовь Афанасьевна, вам плохо? Может, скорую вызвать?! — голос дрожит, руки тоже. Я уже шарю взглядом по комнате в поисках телефона.

— Таблетки, — выдыхает она, делая полуприкрытыми глазами страдальческое лицо. — Принеси срочно мою таблетницу… быстро!

Она опускается глубже в кресло, тяжело дышит и театрально закидывает руки на подлокотники.

Я несусь в её комнату, переворачиваю всё подряд: тумбочку, полку, сумку… Наконец нахожу эту чёртову таблетницу и выбегаю обратно в холл, почти спотыкаясь на ходу.

Но картина уже изменилась.

Перед свекровью стоит Миша — видимо, только что вошёл. Я даже не услышала, как хлопнула дверь.

Он держит стакан воды и, наклонившись, беспокойно спрашивает:

— Мама, что случилось? Может, скорую вызвать?

— Вот, вот таблетница, — выдыхаю я, протягивая ему пластиковый футляр.

Свекровь, мгновенно ожившая, берёт стакан из рук сына, достаёт какие-то таблетки и проглатывает их одним движением.

— Не надо скорую, сынок, — выдыхает она, прикладывая ладонь к лбу. — Сейчас подействует…

Она закрывает глаза и тяжело вздыхает, будто пережила катастрофу. Я стою рядом, чувствуя растерянность и абсурд происходящего. Ей только что было плохо до обморока, а теперь — спокойное дыхание, ровный пульс, даже щёки слегка порозовели.

— Давай на диван, мам, так будет удобнее, — мягко предлагает Миша, поддерживая её под руку.

— Нет, — качает она головой, — отведи меня в комнату.

И, бросив на меня исподлобья тяжёлый взгляд, добавляет с тянущейся интонацией:

— Здесь… душно.

Я понимаю, что это вовсе не из-за воздуха.

Миша уводит мать в комнату, а я остаюсь в одиночестве с тревогой внутри.

Дверь тихо скрипит, и в прихожей наконец-то появляется он — усталый, осунувшийся, с потухшим взглядом.

На щеках сероватый след усталости.

— Есть будешь? — спрашиваю, поспешно вставая из-за стола. — Я котлеты и пюре сделала… всё тёплое.

Делаю шаг к нему, хочу поцеловать, обнять — ведь за день так настрадалась в обществе его матери. Хоть секунду тепла…

Он отводит взгляд.
— Не хочу. Нет аппетита.

Тишина растягивается, будто нитка, которая вот-вот порвётся.

— Лиза, зачем ты доводишь маму? — произносит он наконец, и в голосе нет ни нежности, ни усталости, только раздражённое разочарование. — Я уже устал разбираться в этих скандалах. Ты что творишь?

Словно током бьёт по рукам.
Я не сразу нахожу слова. Хотела объяснить, что она оскорбляет, унижает, давит… но рот не слушается.

Он продолжает, не глядя на меня:
— Она же больная, ты знаешь. У неё сердце. Ты понимаешь, что такой стресс может быть опасен? Если у тебя нет родителей, ты хочешь и от моих избавиться, да?

Его голос колет. Каждое слово холодно, чуждо.
Не похоже на моего Мишу. На того, кто раньше шутил, укрывал меня ночью, гладил по волосам.
Теперь передо мной человек, который защищает не меня, а её.
Я будто стою между ними, голая, без защиты.

— Я… не хотела… Она сама меня доводит, Миш… А потом страдает… — шепчу, но он уже уходит в сторону кухни, наливает себе воды, делает глоток и даже не оборачивается.

В комнате снова повисает тишина.
Запах котлет, которые я жарила с таким усердием, теперь кажется удушливым.

— Что? Ты взрослая девушка и не понимаешь, что перед тобой пожилой человек?! Маме уже не двадцать, Лиза! Ты должна это понимать. Где-то смолчать. Где-то стерпеть…

— Миш… — тихо начинаю, стараясь поймать его взгляд. — А давай переедем чуть раньше? Хоть ненадолго, снимем что-нибудь поблизости с твоей работой, если ты не хочешь в мою студию. Так будет проще всем…

В голосе — робкая, почти детская надежда. Мне кажется, что если он просто согласится, хоть кивнёт — воздух снова станет лёгким, и мы перестанем жить, как на пороховой бочке.

Миша тяжело выдыхает.

— Зачем, Лиза? — говорит он устало, будто не находит смысла даже объяснять. — Зачем, если здесь всем места хватает? Как купим своё — тогда переедем. Сейчас не до этого. Я хочу купить дом, Лиза. И ты же знаешь, что сейчас это стоит не мало. Напасись терпения и не доводи мою маму.

Он отстраняется, проходит мимо, и я чувствую, как между нами скользит что-то ледяное, незримое.

Словно невидимая стена выросла прямо посреди кухни — и я осталась по ту сторону.

Мне вдруг становится так холодно внутри, будто кто-то распахнул окно в мороз.

Я смотрю, как он убирает стакан, как тихо закрывается за ним дверь в спальню, — и понимаю, что не хочу здесь больше жить.

Не хочу каждое утро просыпаться в чужом доме, под одним кровом с женщиной, для которой я всегда буду виновата.

Не хочу ничего объяснять, ни оправдываться, ни бояться его усталого взгляда.

Глава 6

— Папа, я боюсь! — тихо шепчет девочка, а я словно замираю в немом шоке, не могу ничего сказать. Хотя в этой ситуации как воспитатель я должна завлечь ребенка, показать девочке группу, познакомить с детьми. Но я стою, словно не понимаю, что со мной. Миша тоже в ступоре.

— Может, и папе пройти в группу? — улыбается Лариса Николаевна, пытаясь разрядить обстановку. Она ведь тоже понимает, что случилось. Она знает, как выглядит Миша, я ей показывала фотографии. — Разуйтесь, и можете проводить вашу девочку, может, ей так станет легче. Сейчас детки её увлекут, и она вас отпустит!

— Да, конечно. Проходите вместе с Василисой, — тихо говорю я, наблюдая, как Катя не сводит с меня глаз.

Миша наконец-то отводит свой взгляд от меня и, будто заторможенный, снимает обувь, проходит в группу за руку с девочкой.

Я понимаю, что выгляжу глупо, и надо взять себя в руки. Вокруг камеры, и директор постоянно проверяет нас, а также другие родители. Ситуация абсурдная, но я должна собраться, иначе… Иначе о какой силе духа можно говорить? Ребенок не виноват, и я должна выполнять свою роль и обязанность.

— А разве не воспитатель должен завлекать ребёнка, Елизавета Сергеевна? — мягко, почти певуче произносит Катя, но в её голосе — ехидство, холодная улыбка и притворная вежливость. — Мне вас рекомендовали как самого лучшего педагога в саду.

Она смотрит прямо в глаза, продолжает делать вид, будто мы незнакомы.

А я всё понимаю: она пришла не только с ребёнком — она пришла показать, продемонстрировать: вот он, Миша, со мной.

Она добилась своего.

А я — просто воспитатель в детском саду.

— Да, конечно. Извините, я просто задумалась… — произношу ровным, натренированным голосом, выхожу из ступора, играю свою роль.

Разворачиваюсь — и вижу: Миша присел на корточки, держит девочку за руку.

— Ну что, Василиса, пойдёшь поиграешь?

Рядом моя Каролина — сияет, как всегда, открытая, добрая, показывает новой девочке плюшевого зайца.

— Давай дружить? Я Каролина! — улыбается моя малышка так искренне, что сердце сжимается.

Миша отвечает лёгкой улыбкой, не подозревая ни малейшего.

Но Каролина… не отводит от него взгляда.

Боже… а если вспомнит ту фотографию?

Ту самую, где я когда-то — наивная, глупая — показала ей «доброго дядю»?

Только тогда у него не было бороды. Глаза были мягче, моложе, без той усталости, что теперь.

Василиса мнётся на месте, потом тихо кивает и отпускает папину руку.

Следует за Каролиной.

Я выдыхаю, будто наконец выбираюсь на воздух.

Каролина всегда умела находить друзей. Слава Богу, не узнала, не спросила — почему папа другой девочки похож на того дядю с фотографии…

Миша медленно поднимается, и в тот момент, когда я подхожу ближе, он нечаянно задевает игрушечную машинку — колесо скользит, он теряет равновесие и буквально врезается в меня.

— Извините, — быстро произносит он, почти отскакивает, будто прикосновение обожгло.

Наши взгляды встречаются.

Я вижу его так близко впервые за пять лет.

Он другой — жестче, темнее, взрослее.

Но этот взгляд… Я помню его слишком хорошо.

Сердце стучит слишком громко.

— Миш, мы идём? — голос Кати режет воздух, как нож. — Няньки сами справятся, работа у них такая, — она делает ударение, растягивая слово «няньки», будто пробует его на вкус.

Каждое её слово звучит как намеренный укол.

Она чересчур спокойна, чересчур довольна.

Так же, как тогда — когда всё рухнуло.

— Идем, — отвечает он, сглатывая, но продолжает смотреть на меня, не сказав ни слова, делая вид, что я просто новый воспитатель его дочери… Как будто между нами не было ничего…

— Мы вам позвоним… — спокойно произносит Лариса Николаевна, записывая номер Кати. — Если девочка будет проситься домой, можете забирать её до сна, — добавляет с мягкой улыбкой, стараясь хоть немного разрядить обстановку.

— Да я бы от такой воспитательницы сразу бы забрала! — резко отвечает Катя, кривя губы. — Что она стоит как статуя?! Я буду жаловаться!

— Не нужно никуда жаловаться, — старается удержать ситуацию Лариса Николаевна. — Девочку сейчас лучше не тревожить. Видите, она уже играет с… детьми… — голос её срывается, она сама чувствует напряжение в воздухе.

— Катя, успокойся! — рявкает Миша неожиданно громко, и в группе наступает тишина. По выражению его лица видно, что её выходка вывела его из себя.

Я стою чуть в стороне, сжимаю руки, ногти впиваются в ладони.
Если бы это было где-то вне работы…
О, я бы не промолчала.
Но здесь — нельзя. Ни слова.
Любая эмоция — лишняя.
У меня есть ребёнок, ипотека и эта работа, которой я держусь из последних сил.

— До свидания, — произносит Миша, задерживая взгляд на мне. Его голос низкий, глухой, будто немного хриплый от волнения.
Из-под густых бровей — тот самый взгляд, и сердце предательски дёргается.

— До свидания, — отвечаю тихо, стараясь не встречаться глазами.

Они уходят.
Миша почти силой подталкивает Катю к выходу, она возмущённо шипит, оборачивается, сверлит меня глазами. Холодная, раздражённая — словно её унизили тем, что Миша её одёрнул при всех.

Дверь закрывается, остаётся тяжёлое эхо.
На мгновение становится очень тихо — слышно, как дети возятся у игрушечных полок.

Я выдыхаю. Наконец-то.

Понимаю — это всё равно случилось бы. Район маленький, садик один, а логопедическая группа — только у меня. Судьба умеет быть циничной.

— Ты как? — тихо спрашивает Лариса Николаевна, подходя ближе. — Это он?

— Да, — простая фраза, но внутри будто что-то ломается. — Он. Держусь… Не переживай.

— И сделал вид, будто не знает тебя? — она качает головой, шепчет: — Боже мой, Лиза…

— И слава Богу, — отвечаю, стараясь выдохнуть спокойно. — Так даже лучше.

Мой взгляд сам ищет Василису. Девочка сидит отдельно, на коврике. Та же осанка, тот же прищур — копия матери.

— Что-то эта дама к тебе явно недружелюбна, — тихо говорит Лариса.

— Пусть. Если им не нравится — пускай переводятся в другой сад. Я ничего не могу…

Но не успеваю договорить.

— Не трогай! — вдруг визжит Василиса.

Я поворачиваюсь — и вижу, как она хватает куклу и кидает её прямо в мою дочь.

Каролина ошарашенно моргает, игрушка с глухим звуком падает на пол.

— Девочки… — только и успеваю сказать.

Вся усталость, все чувства, что я так глушила, снова всплывают наружу. Теперь это уже не просто работа. Это — новая буря.

Глава 7

Миша

— Что ты там замер? Смотрел на неё так! Миш, я не хочу, чтобы Вася ходила в эту группу! Я же и подумать не могла, что там твоя эта… Бывшая… — хмурится Катя, показывая всем видом, что она тоже не ожидала увидеть там Лизу.

— Тебе-то что! — резко отрезаю я. — Не хочешь? А что ты хочешь, Кать?! Это твоя прихоть сюда была переехать! Возить в другой район её? Я тем более делать этого не буду… — злюсь я.

Катя лишь молча сжимает губы, её глаза блестят: обида, презрение, привычное «всё равно будет по-моему».

Мне надоели её загоны. И только Васька меня держит… Я очень люблю дочь и только ради неё терплю Катю.

Хотя "терплю" — слово, в которое сам уже не верю.

После рождения Василисы мы прожили с Катей под одной крышей меньше года. Сначала всё держалось на надежде, потом — на привычке. А потом начали трещать стены. Ссоры, обиды, громкие разговоры за закрытыми дверями. Я не выдержал и ушёл.

И всё бы ничего, если бы не болезнь Васьки. Она тогда сильно заболела: проблемы с ножками, бесконечные процедуры, врачи, очереди. Тогда я забыл про себя. Только дочь. Только её шаги, её улыбка. И чувство, что если я сейчас сломаюсь — не встанет никто.

Катя, кажется, тогда впервые испугалась. Стала мягче, заботливее, вновь пыталась сблизиться. Я поверил. Мы попробовали ещё раз — и снова не получилось. Через год всё повторилось: раздражение, упрёки, тяжесть в доме.

Катя… У неё всегда были завышенные ожидания — от жизни, от меня, от всех. Ей казалось, что весь мир обязан подстраиваться. Когда мы только начали жить вместе, я этого не замечал: очарование, легкость, улыбка. А потом всё всплыло.

Катя не любила готовить, не интересовалась бытом.

«Это не моё», — говорила она с усмешкой и маникюрными пальцами, пролистывая ленту в телефоне.

Когда я однажды попросил просто нажарить блинов к утру, она засмеялась.
— Миш, ты серьёзно? У нас XXI век, ты мужчина, зарабатывай и ешь в ресторане.

Тот смех я помню до сих пор — как границу, после которой что-то во мне тихо оборвалось.

А сейчас я вновь ушел. Живу один. Дом, который купили, продали, разделили. Катя вот купила себе квартиру в этом районе, видите ли, здесь дышится лучше, чем в Москве. И её подруги тут живут.

А мне теперь через весь город ездить к дочери. Конечно, она хочет, чтобы я вернулся. Но я не хочу этого. Устал. Очень устал от этих отношений. Мы действительно разные люди.

Катя работает моделью. Снимается для разных магазинов одежды и рекламы. Я продолжаю работать у отца и уже почти заменяю его. Папе уже тяжелее становится держать все в своих руках…

А мама стала много болеть. Проблемы с сердцем, с ногами. Недавно она спросила у меня про Лизу. Мол, как она там живет, вижу ли я её? Я, честно сказать, впал в ступор. Я же предал её, ушел к Кате тогда. Мне даже стыдно думать о ней и о том, как я тогда поступил. Но был на грани, мама попала в больницу… Все так сложилось… А тут и Катя оказалась беременной, и всплыла моя измена…

Но мама сказала, что видела её в метро с девочкой. У неё есть дочь. И, наверняка, муж… Сердце вновь кольнуло. Я находил ее соцсети и часто думал написать, спросить как дела. Но это было бы очень глупо. У меня Катя, с которой мы то живем, то нет, дочь, ради которой я ушел тогда. Да и зачем лезть в жизнь человека, если у нее все хорошо.

Ходил часто возле её квартиры, но она то ли продала её, то ли сдала опять и живет не на том адресе.

А сегодня я думал, не выдержу. Как так вышло-то?! Что моя дочь теперь ходит в её группу? Дебильная случайность или игры судьбы?

Оказывается, Лиза теперь воспитатель. Странно, она ведь так мечтала быть тренером… Очень хотела заниматься танцами, но я тогда был против, ревновал ее к этому делу… И еще этот урод, который стал к ней подкатывать… Но сейчас это все в прошлом. Моя дочь теперь будет ходить к ней в группу… Я даже не могу поверить в это.

— Да ты смотрел так, будто у тебя остались к ней какие-то чувства! — вновь выплевывает Катя. — Воспитатель она… Да какой из неё воспитатель. Я не знаю, как я согласилась Васю оставить с этой девахой! Буду просить поменять нам воспитателя! Ты видел её глаза? Она готова была на тебя бросится ради твоих денег, Миш! А на нашу дочь ей плевать!

— Катя, успокойся! Даже если остались, тебе-то что?! Мы разошлись, и хватит истерик. Не надо никого ни о чем просить! Я тебе предлагал нанять няню нашей девочке, но ты же хочешь, чтобы она социлизировалась! Мне надо собраться и ехать на работу. Ты сама заберешь Ваську? — чувствую, как внутри все кипит. Катя до сих пор считает, что я её.

— Я не могу забрать, у меня съемка в три. А ты хочешь нашу дочь запереть дома? Ты же видишь, как ей не хватает общения с детьми?! Миш, что ты вообще раскричался? Может, зайдёшь на чашку кофе? Успокоишься… Я приготовила торт! — нежно улыбается Катя, переходя на более мягкий разговор.

— Вот видишь! А я говорил тебе, зачем переезжать так далеко было! У меня тоже работа, и мне далеко ехать по пробкам, как ты не понимаешь?! Я не смогу каждый раз ездить. Решай как-то этот вопрос… Подстраивайся под график садика. У тебя же съемки не каждый день…

— Миш, успокойся… Я же давно хотела в этот район. У меня аллергия, ты же знаешь. А здесь и дышится легче. Вокруг парков столько… Переезжай к нам… Хватит на меня дуться… — выйдя на улицу, Катя хватает меня за плечо и стряхивает невидимую пыль.

— Нет, Кать. Я больше не вернусь. Теперь уже точно всё… — уверенно отвечаю.

— И на Ваську тебе плевать, да?! Миша, да что я тебе сделала такого?! Я же люблю тебя! Дочь не может без тебя и минуты… Она же так привязана. Отец для девочки — это очень важно…

— Кать, давай не будем об этом. Забери Ваську до сна сегодня. Первый день все-таки. Отвези к своей маме… — открываю дверь машины, показывая всем видом, что мне надо ехать.

— Так ты не приедешь?! Миш, да что за отношение такое?! У тебя кто-то появился?! У Васи первый день в саду, она волнуется… Я думала, мы вместе заберем её и сходим на каток… Ты же обещал ей, помнишь?

Тут я поднимаю глаза на высокое здание детского сада и вижу возле окна Лизу… Встретившись глазами, она резко закрывает штору и отходит… Внутри меня все кипит… Мне казалось, я давно её забыл, но сегодня во мне что-то вновь загорелось… А может, и правда, мне забрать дочь? Увижусь с Лизой еще раз… Но как мне подойти к ней? Я ведь как последний трус сделал вид, что не узнал её… Да и она тоже… Черт…

— Миш??? Что ты там увидел?! Ты меня слышишь?! — паникует, как всегда, Катя.

— Да, слышу. Мне пора. Я позвоню, как освобожусь…

Сев в машину, пытаюсь прийти в себя. Черт побери, да как так вышло-то?! Я еще слышал про камеры, которые стоят прямо в группах… Надо у Кати узнать, что там за пароль и как туда войти… Хочу еще раз увидеть её…

Глава 8

Четыре года до

Собрав вещи, я смотрю на еще спящего Мишу. После вчерашней перепалки вечером я не нашла слов от обиды. Он не понял меня, не прислушался, а только лишь обвинил. Неужели я мало для него делаю? Я же ради него пришла в этот дом. Он просил. Говорил, это временно и удобно, и что почти все живут с родителями первое время.

Сейчас шесть утра. Я смотрю на телефон и пишу подруге по институту. Сегодня буду у неё, а потом найду что-нибудь себе. Выгонять квартирантку со своей студии еще рано. Мы заключили договор, и пока я не могу этого сделать, да и ездить мне далековато. Позже вернусь к себе, а пока сниму что-нибудь. Хоть и Света настаивает, чтобы я жила у неё.

— А ты куда это в такую рань? — раздается сонный голос, едва я застёгиваю молнию на чемодане.

Чёрт… Не успела уйти бесшумно.

Миша приподнимается на локтях, морщится от утреннего света и щурится на меня.

— Миш… — выдыхаю я, стараясь говорить тихо, чтобы не разбудить никого в этом доме. — Я… приняла решение. Я не могу здесь оставаться. А ты… ты не хочешь меня слушать.

Он замирает, потом резко отбрасывает одеяло, опускает ноги на пол. В его движениях — раздражённость и растерянность вперемешку.

— В смысле? — голос становится резче. — Ты уходишь от меня? Ты меня бросаешь, Лиза?

— Я не бросаю, — мягко говорю я, хотя внутри всё дрожит. — Я просто… ухожу из этого дома. Я больше не могу так.

Миша встает, глаза уже совсем ясные, настороженные.

— М? Только не надо этих слов, — он усмехается, но в усмешке нет ни капли тепла. — Ты меня бросаешь, Лиза. Не крути. Как последняя… прости, крыса, — он чеканит каждое слово, будто специально, чтобы больнее задеть. — Уходишь по-тихому, пока все спят. Собрала вещи и сбежать решила. А как же мы? А как же всё, что строили столько времени? Тебе, значит, всё равно, да? На меня, на нас?

Я смотрю на него — в нём сожаление и обида, но под всем этим есть ещё что-то другое: гордость, уязвлённая до предела, как будто мой уход не разрушает нас, а унижает его.

— Миша… — я выдыхаю. — Было бы «мы», если бы ты хоть раз услышал меня. Если бы понял, что мне здесь тяжело. Я не хочу воевать каждый день с твоими родителями за право просто дышать. Это не жизнь, Миш. Это… ожидание, что мне станет всё равно. Только не стало.

Он молчит, потом опускает взгляд, сжимает кулаки.

— Значит, ты всё решила, да?

— Да, — тихо говорю я и поднимаю чемодан. — Решила.

Тишина. Только слабое тиканье часов в углу комнаты.

Миша ничего не отвечает. И может, так даже лучше. Если сейчас обернусь — не уйду.

Я делаю шаг к двери.

— Ну и дура ты, Лиза! Я думал, ты меня любишь… Я ведь тебя не гоню… И, между прочим, не бросаю… — звучит за спиной.

Голос Миши режет по сердцу, как ножом.

Я замираю в проёме двери, чемодан тяжелеет в руке, будто не вещи там, а всё, что мы вместе прожили.

В груди боль — та самая, тупая, тихая, от которой не вздохнуть.

Я ведь всю ночь проревела. Слёзы текли сами собой, пока за окном светлело, а он спал, отвернувшись, даже не спросив, что со мной.

Не подошёл. Не обнял. Как будто в мире больше нет ни "нас", ни желания спасти хоть что-то.

И теперь — эти слова.

Глухие, колкие. Со спины. Без попытки остановить.

Я закрываю глаза.

Внутри меня что-то рушится. Медленно, с хрустом, как старый лёд под ногами весной.

Он снова выставляет всё так, будто я виновата.

Будто это я причинила боль. Что у его матери сердце прихватило — тоже из-за меня. Что в доме теперь холод и напряжение — всё моя ошибка.

А я ведь просто хотела как лучше. Хотела уехать, начать сначала, быть вдвоём, как мы мечтали. Поверить, что любовь — это не ежедневная осторожность, не шаги на цыпочках, не война за воздух.

Я тихо выдыхаю.

Боль внутри ещё есть, но вместе с ней — какое-то странное чувство облегчения.

Как будто всё кончено, но вместе с этим открывается пустота, где, возможно, однажды появится что-то настоящее.

Я оборачиваюсь. Чемодан всё ещё в руке, но пальцы сами разжимают ручку — он глухо падает на пол. Даю шанс. Кому — себе или ему? Даже не знаю.

Миша сидит на краю кровати, босиком, взъерошенный, хмурый. Я подхожу ближе, сажусь рядом. Сердце стучит в горле. Беру его за руку — холодную, тяжёлую. Он не отдёргивает, но и не сжимает в ответ.

— Миш… Давай уйдём, — выдыхаю я. — Я люблю тебя. И хочу ребёнка. Хочу малыша.

Ты ведь сам видишь, что у нас не получается. Врач сказал, возможно, стресс виноват. Ведь у нас скоро свадьба… всё должно быть хорошо.

Миша хмурится, медленно поворачивает голову.

— Стресс? Из-за моей мамы, Лиз? — в его голосе усталость и неверие. — Но ты же знаешь… у тебя же болезнь. Это не из-за нервов.

Я понимаю, на что он намекает, и замираю на секунду. Мой диабет. Хроническая болезнь, которая преследует меня многие годы…

— Миш, — шепчу я, — Это не так. Врач сам сказал — можно, просто нужно время… нужно спокойствие.

— Время, — сухо повторяет он. — Да если бы всё было так просто, всё уже бы получилось. А этого нет. Так что, может, хватит себя обманывать?

От этих слов во мне что-то ломается. Но я не замолкаю — тянусь к нему, хочу коснуться плеча, утешить хоть чем-то, но он отодвигается.

— Но как же, Миш? Мы ведь не десять лет вместе живём… Всё возможно. Только переедем, пожалуйста. Здесь мне тяжело. Я задохнусь в этом доме…

Неожиданный стук в дверь. Глухой, тревожный. Мы вздрагиваем оба.

— Подожди, — он поднимается. — Может, мама. Может, опять сердце.

— Вот! — шепчу я, чувствуя, как отчаяние подступает к горлу. — Как я могу переехать, если ты каждый раз выбираешь маму?

Он открывает дверь, будто я и не существую за его спиной.

— Миша, сынок, что вы там с утра уже не поделили? — голос его матери звучит устало, но с плохо скрытой укоризной.

— Лиза хочет уйти, — отвечает он, не сводя с меня взгляда.

— Уйти?! — мать делает шаг вперёд, хватается за грудь. — Из-за меня, да? Из-за меня?!

Миша тут же подхватывает её.

— Мама, успокойся. Всё хорошо. Никто никуда не пойдёт. Я не дам ей. Сядь, дай я помогу. Как ночь прошла?

Я стою в стороне, и мне кажется, что я снова стала прозрачной.

Смотрю, как он уводит её в гостиную — бережно, заботливо. Сколько тепла в его голосе. Того самого, которого давно не было для меня.

Когда он возвращается, дверь за ним закрывается слишком резко.

— Разбирай вещи, — говорит он спокойно, почти равнодушно. — Никто никуда не уходит. Мы живём здесь, и это не обсуждается.

— Не обсуждается? — я тихо смеюсь, хотя внутри всё крошится. — Миш, у меня что, больше нет права голоса? Я не могу решать, где мне жить?

— Потому что я мужчина, — бросает он, как будто этим всё объясняется.

— Нет, — я качаю головой. — Потому что ты выбираешь маму. Каждый раз. В каждой ситуации. И не только её — ты выбираешь удобство.

— Как ты можешь так говорить?! — Миша сжимает кулаки. — Мама — это святое!

— Тогда будь с ней, — шепчу я. — Заботься, живи, спасай. А я — просто не смогу так больше. Я ухожу, Миша. С меня хватит.

Я хватаю чемодан и направляюсь к двери. Он смотрит мне вслед, с тем самым взглядом, где больше злости, чем боли.

— Вот она твоя любовь, Лиза… — произносит он. — Всё с тобой ясно.

Я не отвечаю.
Слова больше ничего не изменят.
Только воздух режет по горлу, и сердце гремит, как будто падает с высоты.
Четыре года до

Собрав вещи, я смотрю на еще спящего Мишу. После вчерашней перепалки вечером я не нашла слов от обиды. Он не понял меня, не прислушался, а только лишь обвинил. Неужели я мало для него делаю? Я же ради него пришла в этот дом. Он просил. Говорил, это временно и удобно, и что почти все живут с родителями первое время.

Сейчас шесть утра. Я смотрю на телефон и пишу подруге по институту. Сегодня буду у неё, а потом найду что-нибудь себе. Выгонять квартирантку со своей студии еще рано. Мы заключили договор, и пока я не могу этого сделать, да и ездить мне далековато. Позже вернусь к себе, а пока сниму что-нибудь. Хоть и Света настаивает, чтобы я жила у неё.

— А ты куда это в такую рань? — раздается сонный голос, едва я застёгиваю молнию на чемодане.
Чёрт… Не успела уйти бесшумно.

Миша приподнимается на локтях, морщится от утреннего света и щурится на меня.

— Миш… — выдыхаю я, стараясь говорить тихо, чтобы не разбудить никого в этом доме. — Я… приняла решение. Я не могу здесь оставаться. А ты… ты не хочешь меня слушать.

Он замирает, потом резко отбрасывает одеяло, опускает ноги на пол. В его движениях — раздражённость и растерянность вперемешку.

— В смысле? — голос становится резче. — Ты уходишь от меня? Ты меня бросаешь, Лиза?

— Я не бросаю, — мягко говорю я, хотя внутри всё дрожит. — Я просто… ухожу из этого дома. Я больше не могу так.

Миша встает, глаза уже совсем ясные, настороженные.
— М? Только не надо этих слов, — он усмехается, но в усмешке нет ни капли тепла. — Ты меня бросаешь, Лиза. Не крути. Как последняя… прости, крыса, — он чеканит каждое слово, будто специально, чтобы больнее задеть. — Уходишь по-тихому, пока все спят. Собрала вещи и сбежать решила. А как же мы? А как же всё, что строили столько времени? Тебе, значит, всё равно, да? На меня, на нас?

Я смотрю на него — в нём сожаление и обида, но под всем этим есть ещё что-то другое: гордость, уязвлённая до предела, как будто мой уход не разрушает нас, а унижает его.

— Миша… — я выдыхаю. — Было бы «мы», если бы ты хоть раз услышал меня. Если бы понял, что мне здесь тяжело. Я не хочу воевать каждый день с твоими родителями за право просто дышать. Это не жизнь, Миш. Это… ожидание, что мне станет всё равно. Только не стало.

Он молчит, потом опускает взгляд, сжимает кулаки.
— Значит, ты всё решила, да?

— Да, — тихо говорю я и поднимаю чемодан. — Решила.

Тишина. Только слабое тиканье часов в углу комнаты.

Миша ничего не отвечает. И может, так даже лучше. Если сейчас обернусь — не уйду.

Я делаю шаг к двери.

— Ну и дура ты, Лиза! Я думал, ты меня любишь… Я ведь тебя не гоню… И, между прочим, не бросаю… — звучит за спиной.

Голос Миши режет по сердцу, как ножом.
Я замираю в проёме двери, чемодан тяжелеет в руке, будто не вещи там, а всё, что мы вместе прожили.

В груди боль — та самая, тупая, тихая, от которой не вздохнуть.
Я ведь всю ночь проревела. Слёзы текли сами собой, пока за окном светлело, а он спал, отвернувшись, даже не спросив, что со мной.
Не подошёл. Не обнял. Как будто в мире больше нет ни "нас", ни желания спасти хоть что-то.

И теперь — эти слова.
Глухие, колкие. Со спины. Без попытки остановить.

Я закрываю глаза.

Внутри меня что-то рушится. Медленно, с хрустом, как старый лёд под ногами весной.

Он снова выставляет всё так, будто я виновата.

Будто это я причинила боль. Что у его матери сердце прихватило — тоже из-за меня. Что в доме теперь холод и напряжение — всё моя ошибка.

А я ведь просто хотела как лучше. Хотела уехать, начать сначала, быть вдвоём, как мы мечтали. Поверить, что любовь — это не ежедневная осторожность, не шаги на цыпочках, не война за воздух.

Я тихо выдыхаю.

Боль внутри ещё есть, но вместе с ней — какое-то странное чувство облегчения.

Как будто всё кончено, но вместе с этим открывается пустота, где, возможно, однажды появится что-то настоящее.

Я оборачиваюсь. Чемодан всё ещё в руке, но пальцы сами разжимают ручку — он глухо падает на пол. Даю шанс. Кому — себе или ему? Даже не знаю.

Миша сидит на краю кровати, босиком, взъерошенный, хмурый. Я подхожу ближе, сажусь рядом. Сердце стучит в горле. Беру его за руку — холодную, тяжёлую. Он не отдёргивает, но и не сжимает в ответ.

— Миш… Давай уйдём, — выдыхаю я. — Я люблю тебя. И хочу ребёнка. Хочу малыша.

Ты ведь сам видишь, что у нас не получается. Врач сказал, возможно, стресс виноват. Ведь у нас скоро свадьба… всё должно быть хорошо.

Миша хмурится, медленно поворачивает голову.

— Стресс? Из-за моей мамы, Лиз? — в его голосе усталость и неверие. — Но ты же знаешь… у тебя же болезнь. Это не из-за нервов.

Я понимаю, на что он намекает, и замираю на секунду. Мой диабет. Хроническая болезнь, которая преследует меня многие годы…

— Миш, — шепчу я, — Это не так. Врач сам сказал — можно, просто нужно время… нужно спокойствие.

— Время, — сухо повторяет он. — Да если бы всё было так просто, всё уже бы получилось. А этого нет. Так что, может, хватит себя обманывать?

От этих слов во мне что-то ломается. Но я не замолкаю — тянусь к нему, хочу коснуться плеча, утешить хоть чем-то, но он отодвигается.

— Но как же, Миш? Мы ведь не десять лет вместе живём… Всё возможно. Только переедем, пожалуйста. Здесь мне тяжело. Я задохнусь в этом доме…

Неожиданный стук в дверь. Глухой, тревожный. Мы вздрагиваем оба.

— Подожди, — он поднимается. — Может, мама. Может, опять сердце.

— Вот! — шепчу я, чувствуя, как отчаяние подступает к горлу. — Как я могу переехать, если ты каждый раз выбираешь маму?

Он открывает дверь, будто я и не существую за его спиной.

— Миша, сынок, что вы там с утра уже не поделили? — голос его матери звучит устало, но с плохо скрытой укоризной.

— Лиза хочет уйти, — отвечает он, не сводя с меня взгляда.

— Уйти?! — мать делает шаг вперёд, хватается за грудь. — Из-за меня, да? Из-за меня?!

Миша тут же подхватывает её.
— Мама, успокойся. Всё хорошо. Никто никуда не пойдёт. Я не дам ей. Сядь, дай я помогу. Как ночь прошла?

Я стою в стороне, и мне кажется, что я снова стала прозрачной.
Смотрю, как он уводит её в гостиную — бережно, заботливо. Сколько тепла в его голосе. Того самого, которого давно не было для меня.

Когда он возвращается, дверь за ним закрывается слишком резко.

— Разбирай вещи, — говорит он спокойно, почти равнодушно. — Никто никуда не уходит. Мы живём здесь, и это не обсуждается.

— Не обсуждается? — я тихо смеюсь, хотя внутри всё крошится. — Миш, у меня что, больше нет права голоса? Я не могу решать, где мне жить?

— Потому что я мужчина, — бросает он, как будто этим всё объясняется.

— Нет, — я качаю головой. — Потому что ты выбираешь маму. Каждый раз. В каждой ситуации. И не только её — ты выбираешь удобство.

— Как ты можешь так говорить?! — Миша сжимает кулаки. — Мама — это святое!

— Тогда будь с ней, — шепчу я. — Заботься, живи, спасай. А я — просто не смогу так больше. Я ухожу, Миша. С меня хватит.

Я хватаю чемодан и направляюсь к двери. Он смотрит мне вслед, с тем самым взглядом, где больше злости, чем боли.

— Вот она твоя любовь, Лиза… — произносит он. — Всё с тобой ясно.

Я не отвечаю.
Слова больше ничего не изменят.
Только воздух режет по горлу, и сердце гремит, как будто падает с высоты.

Глава 9

Лиза

— Мама, мне больно! — кричит моя дочь, закрывая лицо, после того как кукла отлетает от её глаза и падает на пол.

Я подбегаю и смотрю на Каролину, её глаза закрыты и слезятся. Так вышло, что Василиса кинула куклу прямиком ей в глаз.

— Каролин, садись, сейчас промоем глазик! — беру дочь на руки и усаживаю её на стул.

— Василиса, так нельзя делать! — ругаю я девочку, стараясь сильно не повышать голос, ведь она новенькая, и у неё, видимо, ещё стресс… Это ведь дети. Но тут же вспоминаю слова Анастасии Семеновны о том, что девочка очень характерная для своих лет.

И тут, как по сирене, Василиса начинает громко и протяжно плакать.

— К маме! Хочу к маме! — ревёт девочка.

Лариса Николаевна переглядывается со мной и подходит к девочке, чтобы её успокоить, пока я промываю глаза Каролине.

— Василиса, не плачь пожалуйста. Просто знай, что так делать нельзя. Ты же видишь, что попала в глаз девочке, ей больно, но она так не плачет. Так что успокаивайся и больше так делать не нужно, — говорит ей также спокойно Лариса Николаевна, но на девочку это не действует. Она падает на пол и начинает кричать дальше, приговаривая:

— Хочу к маме! Хочу к маме!

Промыв глаз Каролине, я подхожу к Василисе, но она, как капризный ребенок, который пытается добиться своего, начинает ещё больше бить руками по полу и кричать.

Я впадаю в ступор, но не теряюсь. Включаю на проекторе детям мультики. Это я делаю очень редко, но чаще в образовательных целях, в основное время мы стараемся развлекать детей как можем. Но сейчас то самое время, когда нужно ребенка отвлечь…

Чуть погодя Василиса наконец-то слышит громкую музыку и поднимает глаза с пола.

— Василиса, иди скорее к деткам, — пытаюсь я помочь подняться девочке, но она отталкивает мою руку, но все равно идет к стульчикам.

В группе наконец-то начинает царить тишина. Я выдыхаю, понимая, как может быть сложно в дальнейшем.

— Ну наконец-то! Мультики творят чудеса! — улыбается Лариса Николаевна, пытаясь немного меня отвлечь.

— Это точно, — смеюсь я, — но теперь предстоит самое сложное — усадить всех на завтрак, а потом одеть на прогулку.

Мы обе смеёмся, ведь только тот, кто хоть раз собирал группу малышей на улицу, знает, чего это стоит. С каждым утром — маленький марафон.

С детками постарше уже, конечно, легче, они многое делают сами. А вот с малышами — другое дело, тут нужно терпение, внимание и мягкость. Хорошо хоть, что у нас всего двадцать воспитанников — в обычных садах бывает и по тридцать. Это тяжелейшая работа, но я всё-таки люблю деток. Хотя, откровенно говоря, не думаю, что смогу быть воспитателем всю жизнь.

Когда стол уже накрыт, я выключаю мультик и звонко зову:

— Ребята, завтрак!

Малыши, к моему удивлению, реагируют на удивление спокойно — будто и правда мультики зарядили их добрым настроением. Все бегут садиться за столики, только двое упорных — Егор и Глеб — по-прежнему заняты игрушками в углу.

— Егор, Глеб, давайте скорее, завтрак ждать не будет! — зову я, подходя к ним.

— Не хочу кашу, — морщится Глеб, надувая щёки.

— Ну, у нас сегодня не только каша. Есть ещё бутерброды с маслом и вкусная творожная запеканка, — улыбаюсь я, стараясь говорить мягко.

Глеб, немного подумав, встаёт, глядя на меня с осторожным интересом.
— Запеканка? Запеканка. Самая вкусная!

И вот уже оба — и Глеб, и Егор — идут к столу, делая вид, что уступили только ради запеканки, не из-за уговоров.

Лариса Николаевна тем временем усаживает Василису. Девочка сначала молчалива, глядит в тарелку, будто взвешивает решение — есть или не есть. Проходит минута: ложка каши, потом ещё одна… И вдруг — хлопок по столу, звон посуды, белые хлопья каши летят на пол и на платье соседней девочки.

— Не хочу кашу! — кричит Василиса, опрокидывая тарелку.

Наденька, на которую попала каша, от неожиданности замирает, а потом её личико искажает плач. Маленькие плечики начинают дрожать.

— Вася, детка, ну зачем же так? — говорю я мягко, стараясь не повысить голос. — Можно ведь просто сказать, что не хочешь. У нас есть выбор, помнишь? Ты же сама сказала Ларисе Николаевне, что будешь кушать…

Но Василиса уже не слушает. Раскаиваясь или просто испугавшись — не поймёшь — она вдруг поджимает губы и тоже начинает плакать.

Две девочки рыдают, остальные смотрят настороженно, а я чувствую, как где-то внутри нарастает усталость. Сегодня всё валится из рук. Может, просто день не мой. А может, я действительно не справляюсь.

Лариса Николаевна кладёт руку мне на плечо — лёгкое прикосновение, но в нём столько поддержки.

— Не переживай, — шепчет она. — Справимся. Главное — спокойно.

Я киваю, выдыхаю и поднимаю взгляд.
— Ну что ж, девочки, будем разбираться вместе. Без слёз, ладно?

***

Прогулка проходит немного спокойнее, дети любят гулять, хоть и следить на улице нужно за ними ещё больше. Я начинаю чувствовать себя чуть легче и пишу Кате сообщение, уточняя, заберет ли она дочь перед сном. Мы разрешаем первое время забирать деток, чтобы они привыкали, если родители могут или этого хотят. Но она не отвечает… А Василиса уже после обеда начинает плакать по маме…

Но от Кати нет ответа — только прочитанное сообщение.

К обеду Василиса снова начинает хныкать. Сначала тихо, потом сильнее, пока не срывается на плач:

— Хочу к ма-а-а-аме!

Я глажу её по спине, пытаюсь успокоить. И тут телефон звонит — Екатерина.

Я даже выдыхаю с облегчением: «Вот и ответит, наверное». Но вместо этого в трубке звучит раздражённый голос:

— Что значит “забрать”?! — резко говорит она. — Я ребёнка в сад отдала, или что?! Вы что, совсем там бездельничаете и хотите от моей дочери избавиться?!

Я опешиваю, стараюсь всё же говорить спокойно:
— Вы неправильно поняли… Просто уточнила — если хотите, чтобы девочка потихоньку привыкала… Это только по вашему желанию. Тогда уложим Василису спать, как обычно.

— Вот именно, укладывайте! — перебивает она. — И, между прочим, моя дочь слишком много плачет. Я видела камеру! Вы бы лучше детские эмоции понимали, а не просто жаловались. Воспитатель, блин…

В трубке — короткие гудки. Она сбросила, не дав мне ответить.

Я стою несколько секунд, глядя в экран, чувствуя, как неприятный ком застревает под горлом. Так дела не делаются, и надо как-то её ставить на место. Вдох. Выдох. Нужно держать лицо — ведь с детьми рядом нельзя показывать напряжение.

Я возвращаю телефон в карман и подхожу к Василисе. Та уже всхлипывает тише, уткнувшись в плюшевого мишку.

Когда она за ней придёт, поговорим спокойно, — думаю я. Я скажу так, как положено воспитателю: не упрёком, а по-человечески. Что плач — это не каприз, а просьба, и что внимание нужно не только в саду, но и дома. Иначе каждое "не хочу" превращается в протест, в крик — в отчаянную попытку быть услышанной.

— Ну что, уснула? — заглядывает в спальню Лариса Николаевна, ведь мы целый час пытались успокоить и уложить девочку, она кричала и не давала уснуть остальным. Вот для этого и нужна адаптация. Все-таки новое место, новые воспитатели и дети… Таким маленьким не всегда легко…

Пока дети спят, я быстро проглатываю свой обед — еда почти без вкуса, просто чтобы не упасть от усталости. Затем, как обычно, сажусь за бумаги: отчёты, планы, графики, подписи… Воспитатель — это не только сказки и игрушки, это ещё бесконечная волокита, от которой голова гудит не меньше, чем от детского шума.

Иногда я думаю: если бы не Лариса Николаевна, я бы уже сдалась. Она словно мой тихий якорь — всегда рядом, всегда вовремя подхватит, поможет, прикроет, подскажет.

Я так увлекаюсь заполнением журналов и ведомостей, что не замечаю, как утекает время.

— Лиз, — вдруг слышу за спиной голос Ларисы.

Я вскидываю голову и оборачиваюсь:
— Да?

— Там это… папа Васи пришёл, — говорит она, чуть запнувшись. В её взгляде появляется напряжение.

Она понимает всё без слов. Для кого-то — просто “папа Васи”. А для меня… бывший.

— Он без неё? — спрашиваю тихо, почти шёпотом.

— Да, один. Я сказала, что девочка спит, будить не будем — да и ещё полдник впереди. Но он почему-то пришёл раньше времени. Попросил позвать воспитателя…

Я быстро снимаю очки, протираю линзы платком. Глаза устают, зрение последнее время село… Сахар то вверх, то вниз — врач предупреждал.

— Ладно, — говорю, стараясь выровнять голос, хотя внутри уже всё сжалось. — Сейчас подойду.

Лариса кивает, но в её взгляде читается тревога: она знает, как мне тяжело с ним пересекаться.

Я медленно поднимаюсь со стула, приглаживаю волосы, глубоко вдыхаю — что уж там, надо собраться.

У дверей чувствую, как ладони чуть дрожат.
Опять смотреть ему в глаза… спустя всё это время.

На выходе из группы вновь вижу Мишу. Такого серьезного, и такого уже чужого… Он поднимает на меня взгляд, и я вижу, как сам теряется, будто бы на каком-то важном экзамене…

Глава 10

— Василиса ещё спит. Девочку кое-как удалось уложить. Поэтому… вам, — делаю нарочитую паузу на этом слове, будто пытаюсь подчеркнуть границу между нами, — вам придётся подождать.

Я поднимаю голову лишь на секунду, стараясь не задерживать взгляд. Но он смотрит прямо. Слишком прямо — пристально, оценивающе, будто я под прицелом или стою на подиуме под холодным светом прожектора.

— Хорошо, — голос у него спокойный, низкий, в нём ни тени раздражения. — Я подожду столько, сколько нужно. Как она? Не баловалась? Вася… специфичная девочка.

Я отмечаю про себя, как странно это звучит — «специфичная девочка.»

Хотя, честно говоря, приятно слышать, что он это хотя бы признаёт. Обычно родители таких детей не хотят видеть очевидного — всё валят на садик, на воспитателя, на общество. Редко кто способен честно сказать, что корни детского поведения часто тянутся из дома.

— Я сегодня говорила с вашей женой, — начинаю осторожно. Стараюсь выбирать слова мягко, без осуждения. — Полагаю, Василиса слишком остро реагирует на происходящее. Возможно, сказывается стресс или новое место её тревожит. В этом возрасте дети многое пропускают через себя, копят, а потом выплёскивают неожиданно — в поведении, в словах… Иногда в капризах.

Он слушает, не перебивая. Лицо почти неподвижное, только пальцы двигаются — будто механически крутит кольцо на руке. Кольцо… Замечаю, что его пальцы свободны. Обручальное кольцо отсутствует. Но мало ли. Не всегда мужчины носят кольца…

— Я поговорю с ней, — наконец произносит тихо. — Сегодня же. Я стараюсь не позволять ей капризничать. Но мать… — он делает едва заметную паузу. — Мать считает, что девочка должна оставаться девочкой, и почти никогда её не ругает.

Его глаза всё ещё не отпускают.
Слишком прямой, слишком узнаваемый взгляд.

И в голове всплывает тот день. Тот единственный раз, когда он смотрел на меня так же внимательно — но не сдержанно и делово, а совсем иначе.

Я выдыхаю, стараюсь спрятать воспоминание глубже, не дать ему расползтись по лицу.
— Хорошо, — говорю строго, будто самой себе. — Когда Василиса проснётся, я вас позову. Только просьба — не поднимайте при ней тему нашего разговора. Пусть немного отдохнёт. Покушает ещё…

Он кивает.
И в его взгляде впервые за всё время мелькает что-то похожее на сожаление.

Я разворачиваюсь, делаю шаг к двери, чтобы вернуться в группу — просто уйти, перевести дух, спрятать тот бурлящий ком, который снова поднимается где-то внутри.

Снаружи слышен приглушённый детский смех — реальность, которая должна меня отрезвить.

Работа. Спокойствие. Дыши, Лиза.

Но едва я ступаю в коридор, за спиной раздаётся его голос.

— Лиза.

Я замираю.

Ах, вот теперь — просто Лиза. Без формальностей, без «вы», без той искусственной дистанции, за которой я так тщательно прячусь.

Как удобно, правда?

Не оборачиваюсь. Стою, слушаю, как воздух звенит от напряжения.

— Лиза, как ты? Я знаю, всё это — глупо, но…

Я медленно поворачиваю голову. Внутри всё кипит.

Эти слова будто вскрывают то, что я годами заглушала внутри, — то, что давно хотела забыть, стереть, переписать.

И одновременно всплывает другой вопрос, жгучий, почти обидный: как ты вообще можешь стоять тут так спокойно, глядя мне в глаза, будто ничего не было?

Я выдыхаю. Нельзя. Не здесь.

В конце концов, в коридоре камеры. Маленькие чёрные точки под потолком — каждая как напоминание о том, где я и кем я теперь должна быть: профессионал, воспитатель, мать.

Интересно, он вообще думал об этом? Что его «возлюбленная» может всё увидеть? Что каждого слова и взгляда хватит, чтобы разрушить весь его аккуратно выставленный фасад?

— Извините, вы, наверное, меня с кем-то спутали, — произношу ровно, даже добавляя лёгкую, выученную улыбку. Она сама собой всплывает на лице, как маска — безопасная, вежливая, стандартная.

Он делает шаг ближе.

— Лиз, не путаю. Мы можем поговорить? Только пару минут.

И как будто не замечает ни камеры, ни моего взгляда, который кричит: остановись.

— Извините, но мне пора, — голос звучит непривычно спокойно, хотя руки холодные. — Дети вот-вот проснутся, пора кормить. Василису вам выведут.

Я поворачиваюсь к двери и толкаю её ладонью, но она не сразу поддаётся — приоткрыта наполовину.

И ровно в этот момент изнутри на меня летит маленький вихрь.

— Маааама! Маааама, моя кнопочка съехала! — Каролина врывается в коридор, испуганная, с широко раскрытыми глазами.

Она тянет ко мне бок, где крепится инсулиновая помпа, дрожащими пальцами показывает место крепления.

Я мгновенно приседаю перед ней, ладонями аккуратно прижимаю её руку.

— Тшш, всё в порядке, солнышко. Просто показалось. Смотри — всё на месте.

Она шумно выдыхает, утыкается лбом в моё плечо. От неё пахнет молоком и сном.

И я ловлю себя на мысли, что это, наверное, единственный настоящий якорь, который не даёт мне сорваться и сказать всё, что вертится на языке.

Я поднимаю взгляд.

Он всё ещё стоит в двух шагах от меня.

И впервые за всё это время отводит глаза.

Но не просто так.

Его взгляд опускается ниже… и останавливается на Каролине.

Я замечаю, как он замирает, словно его ударило током — лицо побледнело, зрачки расширились, губы приоткрыты. Стоит, будто окаменев, глядя на неё — на мою девочку.

Нет… только не это. Но в следующую секунду я вижу в его лице то самое выражение, которого так боялась — растерянность, смешанную с неуверенностью, с тем глухим «а вдруг…».

Хотя чего ему?

У него уже есть дочь. Есть семья. Есть жизнь, в которой меня — нет.

Каролина тем временем, как ни в чём не бывало, поднимает голову и радостно спрашивает, с лёгким смешком:

— Мама, это папа Василисы? Она ещё спит!

Сердце болезненно дёргается — от детской простоты, от непонимания. А он… он всё ещё смотрит. Уже не на меня, а через меня, как будто пытается прикинуть что-то, вспомнить, сопоставить.

Я резко беру Каролину за руку.

— Пойдём, солнышко. Не мешай, ладно? Вася скоро проснётся.

Она послушно кивает, но, уходя, бросает на него последний любопытный взгляд из-под чёлки.

А я, даже не дав себе секунды подумать, завожу её обратно в группу и почти срываюсь на двери.

Глухой треск — дверь захлопывается за нами, отрезая воздух, взгляды, прошлое.

В груди всё ещё колотится сердце, и лишь когда слышу ровное дыхание детей в комнате, позволяю себе выдохнуть.

Медленно.

Тихо.

Как будто стираю следы этого короткого, но опасного столкновения.

Глава 11

Четыре года до

Выйдя из института, смотрю на время. Черт побери, с этой сессией ничего не успеваю. Но меня ведь ждут дети. Это моя работа, и мне нельзя опаздывать.

— Лиз, спешишь? Давай подвезу? — улыбается Славик, знакомый из института. Хороший парень. Мы как-то общались с ним ещё до того, как я Мишу встретила. Я ему нравилась. Но я не смогла ответить ему взаимностью, он мне всегда был больше как друг, нежели парень, который мог понравиться.

— Если можно, то я за. Очень спешу, — киваю я и бегу к его машине. Славик открывает мне дверь, по-джентельменски помогает усесться. Я смеюсь, вижу, как он заботлив и приветлив. Зато теперь точно успею.

После того, как я ушла, Миша не сделал ни шагу, чтобы понять меня хоть немного. Маме плохо, забрали в больницу. Он сказал, что это, мол, из-за меня всё.

Из-за меня? Она сама меня доводила изо дня в день, пытаясь спровоцировать на конфликт. Но я-то держалась. Долго держалась, пока меня не прорвало. И теперь во всём виновата я…

Он сказал: или я вернусь в их дом, или не любовь это вовсе. Но возвращаться я не собираюсь. Сегодня поеду к его матери в больницу, навестить. Я же не совсем безразлична к ней. Она мать моего жениха, и я очень благодарна ей во многом. Но жить с ней под одной крышей я больше не буду, и никто меня не заставит.

— Что-то твоего жениха давно не видно, поругались? Да и все поговаривают, что ты к Светке переехала? Прости, что лезу не в своё дело… — вдруг произносит негромко Славик, внимательно наблюдая за дорогой.

— Слав, всё хорошо. Небольшие трудности, — пытаюсь уйти от разговора, который для меня сейчас слишком болезненный.

— Ясно… — Славик останавливается возле входа в мою студию и чуть поворачивает голову. На его лице — привычная мягкая улыбка, но в глазах что-то новое, настойчивое.

— Лиз, может, сходим куда-нибудь? Пообщаемся? — говорит тихо, будто между делом. — Я могу подождать тебя после работы.

Он улыбается, но взгляд не отводит — даже на секунду. Его теплая настойчивость заставляет меня неловко переминаться.

— Слав, к сожалению, нет, — выдыхаю. — После работы дела. И… у меня Миша. Я люблю его.

Слова звучат твердо, но внутри всё будто сжимается в тугой комок. Ведь я теперь сама не знаю, что будет с нашими отношениями… И будет ли теперь свадьба…

Славик внимательно слушает, не перебивая. Потом кивает, чуть грустно:

— Жаль, — он подаётся вперёд. — Постой, Лиз… у тебя серёжка зацепилась за пиджак. Подожди, я помогу.

Он осторожно тянется к моему уху, пальцы едва касаются кожи. Я слышу, как он дышит — слишком близко. Воздух густеет между нами, становится каким-то липким, тревожным.

Он, наконец, освобождает серёжку, но, не отстраняясь, слегка касается губами моей шеи.

Я замираю.

Мир будто на секунду вырубает звук.

— Слав, ты что творишь? — резко отстраняюсь, глядя на него с искренним удивлением и раздражением.

Он мгновенно теряет уверенность, глаза опускаются.

— Прости. Пожалуйста, Лиз… — торопливо говорит. — Ты мне давно нравишься. Когда услышал, что ты переехала, подумал — может, всё закончилось с твоим Мишей, и у меня есть шанс…

Я вздыхаю и пытаюсь смягчить голос:

— Слав, нет. Мы просто поссорились. Но я не свободна. И даже если бы была — всё равно не смогла бы быть с тобой. Я тебе уже говорила не раз. Ты — мой друг. Хороший, добрый. И я не хочу это разрушить.

Он смотрит на меня, и в его глазах печаль и какая-то тихая вина. Мне становится жаль его — по-настоящему.

Я хлопаю осторожно его за плечо, стараясь улыбнуться:

— Ну что ты киснешь? — говорю мягко. — Ты найдёшь свою девушку, Слав. И всё у вас будет хорошо. Правда.

Он пытается улыбнуться в ответ, но выходит неловко.

— Прости ещё раз. Мне очень жаль, что я не удержался… — с грустным лицом протягивает он и отворачивается в другую сторону.

— Забей. Всё нормально. Ладно, спасибо, что подвёз, но мне пора. Меня дети ждут! — открываю дверь и ещё раз оглядываю расстроенного парня.

А ведь действительно я что-то не подумала, сев к нему в машину. Он ведь сам по себе очень душевный и ранимый парень и, возможно, действительно воспринял это как за повод…

Вечером я позвонила Мише, но он не взял трубку. Хотела поехать проведать его мать в больницу. И тогда я решила поехать сама…

Добравшись пересадками до больницы, где лежит моя свекровь, я увидела машину Миши. Внутри закралась тревога, и я ещё раз набрала его номер…

— Что тебе? — голос резкий, колючий, будто я его разбудила в самый неподходящий момент.

— Миш, — тихо. — Я приехала проведать Любовь Афанасьевну. Только не знаю, где она лежит, в какой палате. Видела твою машину, подумала, ты подскажешь…

Сначала тяжёлое, длинное молчание, потом — глухой голос без единой интонации:

— Можешь ехать обратно. Тебе здесь не рады.

Я замерла. Руки затряслись, телефон стал скользить в мокрых ладонях.

— Что? Миш, что я тебе сделала? Я не понимаю, — пытаюсь говорить спокойно, но голос предательски дрожит. — Я ведь просто не хочу жить в том доме, ты же знаешь… Но я люблю тебя. Всё ещё люблю.

Он вздыхает — коротко, с усталостью, будто из последних сил сдерживает раздражение.

— Я сказал — езжай туда, откуда приехала, Лиза. Мама, я надеюсь, выкарабкается и без тебя. Она не хочет тебя видеть. Прости.

И всё. Связь обрывается.

В тишину врываются короткие гудки — сухие, ритмичные, и каждое пи-пи-пи будто режет слух, отдавая где-то глубоко в самом сердце…

Глава 12

Миша

Я стою, будто прирос к земле, не в силах сделать ни шага. В груди всё сжимается, дыхание сбивается. Эта девочка… она только что назвала её мамой. И ещё — она тоже болеет диабетом, как и Лиза.

Чёрт побери… это же не может быть случайностью. Это её дочь.

Я поднимаю взгляд, стараюсь рассмотреть каждую черту её лица. Эти глаза — Лизины, точно не спутать. Та же глубина, тот же мягкий блеск, будто взгляд способен говорить. Девочка моргает длинными ресницами и смотрит на меня внимательно, даже настороженно, как будто чувствует — я не просто гость.

Когда-то мама говорила мне что-то… намёками. Я не хотел слушать, отмахивался, не хотел вникать в чужие домыслы. Но сейчас, глядя на ребёнка, я чувствую, как инстинкт сжимает меня изнутри. В этом взгляде, в форме её губ, в лёгкой морщинке у переносицы я вижу себя. Это не просто совпадение — слишком многое схоже.

Но ведь Лиза не могла… не могла забеременеть уже тогда, когда мы расстались. Не могла — или просто не сказала?

Холодный пот покрывает спину, рубашка липнет к телу. Тревога смешивается с чем-то похожим на страх и на надежду одновременно.

— Мама, это папа Василисы? — звонко произносит девочка, и моё сердце резко замирает. — Она ещё спит!

Я стою, будто заворожённый, не в силах отвести взгляд. Эти черты — родные, до боли. Лёгкая улыбка, будто отражение детской фотографии, которую мама когда-то хранила в альбоме. Там — я, маленький, с точно таким же выражением лица.

Неужели?

Неужели это моя дочь? Или мне просто так отчаянно хочется в это поверить?

Лиза тоже в этот момент напрягается, будто бы боится, что я что-то узнаю. Не зря она так испуганно смотрит на мой взгляд. Она тут же хватает девочку за руку и заходит в группу. Дверь хлопает, и я остаюсь один. В этом маленьком и тесном коридоре, где пахнет детскими вещами, я чувствую себя таким слабым, таким беспомощным…

В голове всплывают воспоминания о тех днях — последних днях с Лизой. Тогда всё уже шло к краху, но я упорно не хотел этого признавать. Мы постоянно ссорились, не могли услышать друг друга. Казалось, между нами выросла стена из обид и недосказанностей.

Лиза… Она просто замкнулась, перестала со мной говорить, не пыталась понять. А потом ушла. Ушла, будто вычеркнула из своей жизни всё, что у нас было.

Мне тогда действительно было больно, особенно когда я узнал, что она начала встречаться с другим… с тем самым мудаком. Помню, как увидел их вместе — внутри всё оборва-

лось. В груди будто что-то сжалось, сердце билось в горле. Я пытался убедить себя, что мне всё равно, но это была ложь.

А потом появилась Катя. Ниоткуда, будто специально в тот момент, когда я совсем потерял равновесие. Она казалась совершенной — ухоженная, внимательная, слишком вежливая, чтобы быть искренней. Пришла на мой день рождения, улыбалась, шутила… Словно знала, что я уязвим.

И всё как-то само вышло — бокал за бокалом, слова, взгляды… потом ночь, туман, и утро, когда накатила тяжесть. Я не хотел этого. Не хотел быть с ней. Мне нужна была не она.

Через пару недель Катя появилась снова — с тестом на беременность. Две полоски. Я ошалел. Просто сидел и не мог поверить. Мы ведь с Лизой столько времени пытались завести ребёнка — она высчитывала овуляции, ходила по врачам, переживала после каждой неудачи. А тут… один вечер. И всё.

Когда Лиза окончательно исчезла из моей жизни, даже не попрощавшись, я решил сдаться. Наверное, заслужил. А потом пришёл результат ДНК. Ребёнок действительно мой.

Я не мог отвернуться. Я должен был остаться. Ради ребёнка, ради новой семьи, пусть даже без любви.

Мама, конечно, подлила масла в огонь. Говорила, что всё правильно, что Лиза больная, с её диабетом, поэтому и не получалось. А Катя — здорова, значит, судьба сама всё расставила.

Я слушал, но внутри всё равно что-то ныло. Будто я всё сделал не так, будто выбрал не сердцем, а страхом.

— Василиса кушать не стала, — голос нянечки тихий, почти извиняющийся. — Мы старались её уговорить, но никак. Упрямится.

Двери распахиваются, и она выводит мою дочь. Маленькая, лохматая, щеки чуть розовые от обиды. Я автоматически ищу глазами Лизу или ту девочку, но их нет. Тихо, только шаги Васи по коридору и мой собственный сбившийся ритм дыхания.

— Вась, почему ты не кушаешь? — стараюсь улыбнуться, будто всё в порядке. — Давай поешь, и сразу поедем гулять. Хочешь на площадку, а потом за мороженым?

— Не хочу! — упрямо мотает головой Василиса и сжимает губки. — Тут еда противная! Я хочу пиццу!

Я тяжело вздыхаю. Пицца… Конечно. За последние месяцы Вася ест почти один фастфуд. С Катей они постоянно где-то перекусывают — картошку-фри, пицца, сладкие коктейли. Сначала мне казалось, что это безобидно, баловство. Но теперь я всё чаще замечаю: одежда становится тесной, щеки округлились.

И всё это — под снисходительное покачивание головой Кати: «Ну пусть ест, она ребёнок. Главное, чтобы не нервничала».

Катя сама питается, как модель. Почти ничего не ест — смузи, чиа, вся эта её зелень и вода с лимоном. И, конечно, не понимает, что ребёнок не может жить на салатных листьях. Поэтому разрешает Васе всё, лишь бы не слышать капризов.

А любые мои попытки вмешаться, объяснить, что питание важно, воспринимаются в штыки — как будто я придираюсь.

Я смотрю на дочь. Маленькая, упрямая, с искрой в глазах, и всё равно до слёз моя. Конечно, для неё еда из садика — наказание. Никакого сыра, кетчупа, ничего вкусного, как дома. Заставить её сейчас есть — значит получить бурю: слёзы, крики, потом целый час уговоров.

— Ладно, — выдыхаю спокойно, присаживаясь на корточки перед ней. — Только одно обещай, Вась: вечером поедим вместе нормальный ужин, не пиццу, хорошо?

Она молча смотрит, потом неохотно кивает и крепко сжимает мою руку.

— Пока, пока, Василиса! Завтра к нам придёшь? — машет рукой женщина, нянечка с добродушным лицом, в фартуке, пахнущем свежей кашей.

— Не хочу! — капризно отвечает Вася, не поворачиваясь.

Я наклоняюсь к ней и тихо, но строго шепчу:
— А ну-ка скажи до свидания. Так нельзя себя вести.

Она упрямо вздыхает, надувает щёчки и, глядя в сторону, бурчит:
— До свидания…

— А воспитателю сказала? Елизавете Сергеевне? — уточняю, стараясь говорить спокойно, хотя сам уже смотрю в сторону группы, выискивая взглядом Лизу.

— Она уже говорила, — вмешивается женщина, явно желая поскорее закончить разговор. — Елизавета Сергеевна будит тех, кто ещё спит. Она сейчас в спальне. Попрощалась с Василисой заранее.

Я киваю, но внутри всё сжимается. Конечно… Лиза, как всегда. Избегает. Понимаю, почему — и всё равно злость где-то глубоко шевелится.

— Ладно, тогда мы пойдём, — говорю уже мягче. Наклоняюсь, застёгиваю на дочери курточку, поправляю шарфик. Выхожу с ней в коридор — пахнет хлоркой, манкой и чем-то детским, тёплым.

Когда мы спускаемся вниз, телефон в кармане буквально вибрирует от звонков. Катя. Уже во дворе, ждёт. Я обещал вывезти их на прогулку: ёлку посмотреть, на каток съездить, потом какао в кофейне. Всё вроде бы просто и привычно, но мысли по-прежнему блуждают там, наверху, за дверью той группы.

Садимся в машину. Я запускаю двигатель, бросаю взгляд на Василису — она молчит, глядит в окно, подбородок упрямо вздёрнут. Вижу — надулось маленькое облачко обиды, и, как ни странно, в этом выражении я узнаю Катю.

— Вась, как дела? Почему ты не хочешь в садик? Там ведь новые ребята, игрушки, почти всё новое, — стараюсь улыбнуться, оборачиваясь.

— Они на меня кричат! Плохие! — резко выкрикивает она, и по лицу пробегает тень, будто снова переживает что-то неприятное.

— Что? Кто кричит, солнышко? Воспитатели? — я напрягаюсь, но стараюсь говорить спокойно. — Там же хорошие люди, мне все понравились. Что тебе не нравится?

Она сжимает губы, молчит. Только плечики подёргиваются.

Я вздыхаю. В голове всплывают воспоминания — тот, прошлый садик, где тоже «кричали» воспитатели. Тогда я ездил разбираться, тратил нервы, а потом оказалось — просто не поделили игрушку, и вся драма оказалась придумана детской фантазией.

Подъезжаю к двору, где живут Катя с Васей. Уже издали вижу её — стоит, переминаясь с ноги на ногу, нервно перебрасывает сумку с руки на руку. На лице — раздражение, знакомое до боли.

Я притормаживаю, открываю дверь, и едва Катя садится в машину, как Вася тянет губы дугой:

— Маааам, я хочу кушать… — протягивает жалобно.

Катя тут же разворачивается к ней, голос становится мягким, но в нём явственно слышится недовольство:

— Тебя что, в саду не накормили, детка? — она бросает на меня быстрый взгляд, потом шепчет, стараясь, чтобы дочь не услышала: — Миш, мне не нравится эта твоя Лиза… Мне кажется, она издевается над нашей дочерью.

— Что? Что ты опять выдумала?! — поворачиваюсь к ней, стараясь не повысить голос, но раздражение всё-таки прорывается. — С чего ты взяла, что она издевается?

— Я смотрела камеры, — отвечает Катя, почти шипя. — Видно же — её раздражает наша дочь! Просила забрать её пораньше, ругала её. Ну ничего, я поговорю с заведующей детского сада. Пускай объяснит, что там происходит.

— И вообще, — добавляет она с явной колкостью, — я не знала, что она… ну… родить сумела. Она же больная была, да? Диабет этот…

Я сжимаю руль, чувствуя, как поднимается волна злости.

— Катя, не неси чушь! — выдыхаю, стараясь держаться спокойно, чтобы не пугать Васю на заднем сиденье. — Прекрати устраивать сцены. Васе и в прошлом садике не нравилось — точно так же, помнишь? Это не заговор против тебя и не месть Лизы. Просто, может, наша дочь устала от смены места, от людей. Ей нужно время привыкнуть. Не надо ни с кем разбираться, я тебя прошу!

Катя вскидывает подбородок — обиженно, вызывающе.

— Конечно. Ведь ты какого-то хрена с ней пытался поговорить сегодня в коридоре… Значит, Вася тебе уже не нужна, да? Ты увидел свою бывшую и растаял?!

Глава 13

Лиза

— Сергей, а ну-ка, давай повторим стишок! — с улыбкой говорит Надежда Викторовна в музыкальном зале, где мы с ребятами репетируем сценку из сказки к новогоднему утреннику.

Сережа у нас играет роль Зайчика, а Каролина — хитрую Лисичку.
Дети стоят в кругу, волнуются, но глаза горят предвкушением праздника.

— Я зайка белый и пушистый,
Под ёлкой весело скачу,
И шубкой снежно-серебристой
Я всех порадовать хочу! — звонко и уверенно рассказывает Серёжа, чуть подпрыгивая, словно настоящий зайчонок.

— Молодец, Серёжа! — хвалит его Надежда Викторовна. — Теперь, Каролина, твоя очередь!

Каролина делает шаг вперёд, поправляет на голове ушки и начинает:

— У меня хитрющий носик,
И пушистый рыжий хвостик…

Но закончить ей не удаётся — из-за спин детей вдруг раздаётся громкий возглас:

— А я хочу быть Лисичкой! — кричит Василиса, топая ножкой и поджимая губы.

— Милая, — говорю я мягко, подходя к ней, — ты ведь с девочками будешь танцевать танец снежинок. Он такой красивый — лёгкий, блестящий, как снег на солнышке. Каролина уже выучила свой стишок, а ты будешь у нас самой сказочной снежинкой!

Василиса немного хмурится, но постепенно её взгляд становится мягче. Она очень чувствительная и эмоциональная.

Каролина тем временем улыбается и ждёт, когда можно будет закончить свою строчку. Она действительно большая умница — хорошо запоминает стихи и часто выручает меня на репетициях.

Некоторые детки у нас в группе пока стесняются выступать, путаются, теряются на сцене. Для них мы готовим короткие фразы или вместе с Надеждой Викторовной придумываем маленькие танцы. Ведь главное — чтобы каждый ребёнок почувствовал себя частью праздника, поверил, что он нужен и важен в этот день.

А особенно девочки — они так радуются, когда примеряют пышные юбочки, украшенные снежинками и блёстками.
Когда они кружатся под музыку, весь зал будто наполняется лёгким волшебством.

И в такие моменты я понимаю: именно ради этих сияющих детских глаз мы и готовим утренники.

— Елизавета Сергеевна, — слышу знакомый голос и, обернувшись, вижу Катю. Она стоит в легкой шубке, на каблуках и с ярким макияжем. Она вроде где-то фотографируется для рекламы. Даже Вася говорит всем, что её мама — модель.

— Да, да, здравствуйте. Мы еще репетируем. Осталось мало дней, и приходится вот чаще с детьми отрабатывать сценки, скоро мы закончим. Подождите в коридоре, пожалуйста…

Говорю вежливо, с надеждой, что она отреагирует спокойно, — как большинство родителей.

Но это же Катя…

С ней никогда не знаешь, чего ждать, но такого высокомерия я, пожалуй, не встречала ни в ком.

— Почему это я не могу посмотреть? — поднимает подбородок, словно на подиуме.

— В коридор меня отправляете? Я, между прочим, плачу за этот садик немалые деньги, и вообще — имею право смотреть, чем вы здесь занимаетесь!

Вздыхаю.

— Хорошо, — тихо говорю, — проходите, пожалуйста. Показываю на стулья у стены музыкального зала, внутренне готовясь к буре.

Дети ведь при посторонних, особенно при родителях, меняются: стесняются, теряются или, наоборот, начинают капризничать.

Вот и Василиса — увидела маму, глаза загорелись, и она стрелой бросилась к ней, забыв всё, о чём мы только что говорили.

Я достаю листочек со стихотворением, протягиваю Кате:

— Вот здесь текст для Василисы. Она у нас снежинка — нужно будет немного подучить. Думаю, она справится, времени хоть и немного.

Но радость длится недолго.

— Мама, я не хочу быть снежинкой! Я хочу быть Лисой! — выкрикивает Василиса, крепко сжимая край маминой шубы и пряча лицо в мех.

Катя усмехается, бросая в мою сторону приподнятый взгляд.

— Так будь Лисой, в чём проблема? — произносит она легкомысленно, даже немного насмешливо, — Почему вы не можете взять её Лисой?

— Эта роль уже занята, — спокойно отвечаю. — Мы учили текст заранее, и там много слов, Василисе будет сложно за короткое время всё выучить. Да и в сказке что-то менять уже поздно, дети только все запомнили. Поэтому она снежинка — ведь это тоже красивая роль, и костюм чудесный.

— Не хочу снежинку! Хочу лисой! — Василиса уже почти плачет, прижимаясь к маме. Глаза блестят от обиды, нижняя губа дрожит.

— Так дайте моей дочери эту роль! — говорит спокойно, но с нажимом Катя, будто это простая формальность. При этом она оценивающе смотрит в сторону Каролины, которая стоит с другими детьми и смеется.

— Извините, но роли уже распределены, — стараюсь говорить ровным, уверенным голосом, — сейчас поменять что-то невозможно.

Катя медленно приподнимает брови, её губы искривляются в насмешливой улыбке.
— М-м… Вы просто не хотите, чтобы ваша дочь плакала? Она ведь Лиса, да? Получается, вы даёте своей девочке все лучшие роли, а остальные дети тут для массовки? Вы что, думаете, я не поняла, что это ваша дочь?

Слова звучат ядом, но произносит она их с притворной мягкостью.
Я чувствую, как вокруг будто становится душно.

— Екатерина Александровна, — тихо, но твёрдо отвечаю, — Каролина давно выучила роль. Подготовка шла ещё с ноября, и дети много трудились. Мы не могли оставить Василису без участия, поэтому у неё очень красивая роль снежинки. Позже будут другие праздники, и мы обязательно подберём ей что-то новое.

— Хочу быть лисой! — всхлипывает Василиса, заливаясь слезами и судорожно прижимаясь к маме.

Катя делает шаг ко мне, уже не пытаясь сдерживать раздражение.
— Тогда я пойду к заведующей! — говорит она громко, почти выкрикивая. — И буду с ней решать, кто здесь кем будет! Пусть ваша дочь на этот раз побудет снежинкой, если уж вы распределяете роли только, чтобы угодить своей!

— Что вы себе позволяете?! — от неожиданности я не узнаю свой голос: слова вырываются громче, чем хотела. Но Катю это только подстёгивает.

Она подходит ближе и, почти не двигая губами, шепчет:
— Вы просто… недолюбливаете мою дочь, да?

Сердце у меня стучит так, будто в груди барабан.
— Что?.. — еле выдыхаю. — Да что вы устроили?! Причём здесь утренник?! Мне впервые так перечат родители!

Катя усмехается:
— Сделайте две Лисы, раз уж всё так сложно. Или отдайте костюм моей Василисе, иначе я буду добиваться, чтобы вас проверили. Пошли, Вася. Твой воспитатель просто не понимает, как с детьми надо обращаться!

Она резко хватает девочку за руку, и та, всхлипывая, почти бежит за ней. Дверь хлопает, звук эхом отзывается в опустевшем зале.

— Боже! Да что это за родители такие! Что будет дальше с таким воспитанием! — машет головой музработник Надежда Викторовна.

— Она просто хочет меня убрать с дороги… — тихо произношу я, вспоминая тот не начавшийся разговор в коридоре с Мишей, и понимаю, что мне скажет сейчас Анастасия Семеновна…

Глава 14

— Елизавета Сергеевна, я вас очень прошу, придумайте что-нибудь с Надеждой Викторовной. Ещё ведь не совсем поздно… Может, кого-нибудь сделать белочкой? — голос Анастасии Семёновны звучит нарочито мягко, но за этой мягкостью легко угадывается давление.

— Я вас прекрасно понимаю, правда. Но вы же представляете, что она устроит?

Я медленно считаю до трёх, прежде чем ответить.

— Анастасия Семёновна, я не собираюсь ничего менять. Мы уже придумали, что Василису задействуем в танце снежинок, — говорю спокойно, удерживая себя в рамках. — Вы вообще слышите, что предлагаете? Это дети. Роли распределены давно, все готовились, учили слова. И мы не будем ничего переделывать по чьей-то прихоти. Это уже будет не то…

— Вот именно, дети, — не сдаётся она. — Каролина умная девочка, она всё поймёт, я уверена. Мне просто не нужны конфликты. Екатерина Александровна говорит, что вы выделяете её дочь и называете капризной.

Во мне поднимается усталость, тяжёлая и глухая.

— Анастасия Семёновна, вы в любой момент можете посмотреть записи с камер, — отвечаю уже тише, но жёстче. — Они стоят в каждой группе. Покажите мне хоть один эпизод, где я грублю Василисе или повышаю на неё голос. Хоть один. Да и вы сами мне говорили про них. Вы уже забыли?

— Да, говорила. Но меня тоже поймите…

Я делаю паузу, стараясь не сорваться.

— Вы просто не понимаете… Она делает это намеренно. Проверяет границы. И каждый раз, когда мы подстраиваемся, ситуация становится только хуже.

Я чувствую, как заведующая рядом неловко молчит, явно пытаясь найти компромисс и при этом угодить Кате. Но в этот раз я не готова отступать.

— Я отвечаю за этих детей, — добавляю твёрдо. — И за атмосферу в группе. И я не позволю, чтобы праздник превратили в способ выяснения взрослых амбиций.

В кабинете повисает напряжённая тишина. Я пытаюсь держать себя в руках. Пытаюсь говорить спокойно и уверенно, иначе понимаю, что заведующая лезет сейчас совсем не в своё дело.

— Я понимаю, — наконец говорит заведующая, стараясь говорить как можно мягче. — И я ни капли в вас не сомневаюсь. Правда. Но, может быть, всё-таки можно придумать какой-то компромисс и решить вопрос мирно, чтобы все остались довольны? Поймите и меня… конец года, отчёты, проверки. Мне сейчас совершенно не нужны лишние проблемы.

Она запинается, затем добавляет тише:

— Отец Екатерины Александровны очень известный человек в городе. Я боюсь, что они потом начнут мстить: жалобы, проверки… А там всегда найдётся, к чему придраться.

— А-а, вот оно что, — усмехаюсь я, уже не скрывая горечи. — Значит, вы боитесь проверок. Боитесь за своё лицо. Понимаю. Правда, понимаю. Но, извините, мне даже смешно это слышать.

— Елизавета Сергеевна, — заведующая тяжело вздыхает, — я просто не хочу проблем.

— То есть я должна довести собственного ребёнка до слёз из-за какой-то ненормальной мамаши?! — срываюсь я, голос предательски дрожит.

— Тише… — она испуганно оглядывается. — Нас могут услышать. Пожалуйста, не говорите так. И потом… это ведь ваша дочь. Будь это другой ребёнок, вы бы спокойно решили этот вопрос.

— Что?! — я буквально задыхаюсь от возмущения. — Что вы сейчас имеете в виду?! Что я защищаю её только потому, что моя дочь играет Лису?! Да как вы смеете так думать! — я делаю шаг вперёд. — Я за каждого ребёнка в своей группе буду стоять до конца. За каждого. И не позволю ломать детскую психику ради чужих амбиций и вашего спокойствия.

— Простите, я не это имела в виду… — торопливо говорит она. — Просто… если вы не можете ничего придумать, давайте тогда пусть этот вопрос решит Надежда Викторовна. Повесим всё на неё.

Эта фраза становится последней каплей.

— Тогда я отказываюсь от этой должности, — говорю я неожиданно для самой себя, но с абсолютной уверенностью. — Раз у вас обо мне такое мнение!

Я выпрямляюсь, чувствуя, как внутри всё холодеет.

— Я забираю свою дочь и ухожу. С меня хватит. Я найду себе работу, — голос дрожит, но я уже не отступлю. — А вы можете поставить эту девушку воспитателем. Она, как я вижу, прекрасно знает, как «правильно» работать с детьми.

Я больше не жду ответа. Разворачиваюсь и почти бегом иду к выходу из кабинета.

— Постойте! — раздаётся за спиной сорвавшийся, почти растерянный голос заведующей. — Я же просто хотела, чтобы вы нашли компромисс!

Но я уже не слушаю. Если здесь к тебе относятся без уважения, значит, это просто не твоё место. И никакие компромиссы этого не исправят.

Я забегаю в группу и тяжело выдыхаю, пытаясь собрать себя по кусочкам. День уже клонится к вечеру — всех детей разобрали. В группе осталась только моя дочь, она молча собирает игрушки и украдкой поглядывает на меня.

Я прохожу мимо, стараясь не встречаться ни с кем взглядом, и скрываюсь в маленькой коморке. Закрываю за собой дверь и, наконец, позволяю слезам выйти наружу. Быстро вытираю лицо ладонями, словно это может стереть всё, что только что произошло.

Дверь тут же приоткрывается.
В коморку заглядывает Лариса Николаевна — испуганная, взволнованная.

— Лиза… что случилось? Господи, что она тебе наговорила?

Я поднимаю на неё глаза и вдруг понимаю, что внутри уже пусто. Ни злости, ни слёз — только усталость.

— Ничего, Ларис, — тихо отвечаю я. — Я увольняюсь.

Она застывает.

— Как… увольняешься?

— Просто так. Я больше не буду здесь работать, — повторяю я уже тише. — Меня здесь считают никем. Боятся только за своё лицо и проверки, а о детях никто даже не думает… А ведь это детский сад, Ларис. Здесь в первую очередь должны думать о детях, а не о том, как угодить всем подряд.

Лариса резко выдыхает, сжимая губы.

— Она что, всерьёз просит снять роль с твоей дочери и отдать её Васе?! — возмущается она. — Да это же уму непостижимо! Она вообще собиралась поставить эту ненормальную мамашу на место или нет? Пусть лучше объяснит своей дочери, что существует такое слово — «нет»!

Лариса нервно усмехается и качает головой.

— И что теперь, так будет каждый утренник? Она будет бегать жаловаться, а все остальные — подстраиваться? Точно детский сад… только, как обычно, с участием взрослых.

Я устало опираюсь спиной о шкаф.

— Плевать, — говорю наконец. — Я больше не хочу к этому прикасаться. Завтра же отнесу заявление. Отработаю положенное и буду искать новую работу.

Я делаю паузу и горько улыбаюсь.

— Я думала, что Анастасия Семёновна хотя бы уважает своих сотрудников. А оказалось… — я не договариваю, но и так всё ясно. — Пусть лучше порядок в документах наводит, раз так боится проверок.

— Мамочка, ты плачешь? — забирается Каролина ко мне на коленки.

— Нет, милая. Все хорошо. Просто соринка в глаз попала, — улыбаюсь я, пытаюсь не показывать дочери, как мне сейчас обидно…

Я попытаюсь защитить свою дочь всеми возможными способами… Ведь она уже столько готовится к этой роли и даже дома просит меня отрепетировать её слова…

Глава 15

Миша

— Что ты там такое смотришь? — спрашивает Андрей, моя правая рука, помощник по работе и иногда водитель.

— Да подожди. Не пойму ничего. Она что, плачет? — перевожу взгляд на камеру и пытаюсь вновь дозвониться до Кати, но та не берет трубку.

— Кто плачет? Что-то случилось у тебя?

— Да так. Андрей, ты сможешь меня отвезти к дочери? Я машину сдал в сервис до восьми… — задаю вопрос и захлопываю ноутбук, ощутив какую-то тревогу за Лизу.

Мы с Катей очень сильно поругались. Я предупредил её, чтобы та не лезла не в своё дело и не трогала Лизу. Но эта неугомонная то ли приревновала, то ли что, решила сделать как всегда по-своему, угрожая, что я больше не увижу свою дочь.

— Да конечно, поехали. Как у тебя дела с Катей? Как ей новый район? — спрашивает Андрей, накидывая пиджак.

— Ой, и не спрашивай. Если бы не Васька, я бы предпочёл совсем с ней не общаться… Через чур она стала требовательной. Да и Ваську так же воспитывает. Достала, — раздражённо отвечаю, вновь набирая её номер.

— Ууу… Сложная ситуация. Вроде с ней не живёте, а каждый день мотаешься теперь. Надо тебе как-то установить границы. Раз решила переехать, то пускай сама справляется. Бери дочь на выходные да и всё, — говорит Андрей, когда мы выходим на парковку.

— Да её же не оставишь одну. Она влезет куда угодно! Будто бы ей заняться совсем нечем! — злюсь я ещё больше. Ведь я смотрел сегодня урывками камеру и увидел их стычку с Лизой.

— Что натворила в этот раз? — задает вопрос Андрей. Я знаю его очень давно. Он мой друг, и поэтому я взял его к себе на работу, чтобы мог всё доверить.

— Помнишь Лизу? — спрашиваю, ощущая внутри вновь вину за то, что случилось.

— Колесову? Конечно, помню. А она-то здесь при чём? — Андрей заводит двигатель, замечая, как я нервно перебираю пальцами.

— Да её. Мне кажется… — делаю паузу, сам не веря тому, что сейчас произношу. — Кажется, у меня есть еще одна дочь… — наконец-то делюсь с кем-то своими сомнениями.

— Что?! Как это? У вас же не получалось. Потом вы расстались. Может, ты что-то путаешь, Миш? — Андрей смотрит на меня как на идиота. Да и я, впрочем, себя таким считаю.

— Не знаю. Хочу это проверить… — отвечаю и вновь набираю номер Кати, а потом раздражённо откидываю мобильник, слушая короткие гудки.

Подъехав к дому, где живёт Катя, я поднимаюсь на лифте на девятый этаж и, едва дождавшись остановки, начинаю тарабанить в дверь. В груди клокочет злость.

Спустя несколько секунд дверь распахивается. Довольное, почти самодовольное лицо Кати встречает меня на пороге.

— Что ты опять натворила?! — я захожу внутрь, не дожидаясь приглашения, и смотрю на неё яростно. — Ты вообще понимаешь, что делаешь?! И не надо мне сейчас ничего объяснять. Я видел, как ты прицепилась к Лизе! Я же тебя просил — по-хорошему!

Катя усмехается и скрещивает руки на груди.

— Ой, ты посмотри… Сразу примчался. А то не дождёшься. Значит, за свою Лизу ты теперь готов мать собственной дочери придушить? — язвительно бросает она. — Я всего лишь поставила её на место, Миш. Мне не нравится её отношение. Твоя дочь хочет быть на утреннике — и она будет!

Она почти кричит, глядя на меня глазами, полными торжества, будто только что одержала важную победу.

— Что ты сделала?! — холодно спрашиваю я, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Я пожаловалась. Попросила, чтобы мою дочь поставили на место её дочери! — резко отвечает Катя. — Вася новенькая и вдруг захотела быть лисой на утреннике. И что? Я не вижу в этом ничего страшного. А она начала упрекать меня, говорить, что я плохая мать! Я этого терпеть не собираюсь.

Катя делает шаг ко мне и смотрит испытующе.

— Ты кого сейчас защищаешь, Миш? Я начинаю сомневаться, что ты вообще любишь Ваську…

Я нервно смеюсь. Слишком громко, слишком резко.

Что она сделала?.. Пожаловалась директору только потому, что наша Вася чего-то захотела?

— Ты в своём уме?! — голос срывается. — Ты вообще слышишь себя?! Я надеюсь, тебе там ясно дали понять, где твоё место? Катя, я не понимаю… как ты могла до такого дойти?!

— Она сказала, что поговорит с воспитателем, — пожимает плечами Катя. — Я, по крайней мере, что-то делаю для нашей дочери. А ты? Ты просто живёшь и радуешься жизни, забыв про нас!

Она смотрит на меня исподлобья и добавляет, отчеканивая каждое слово:

— Миш, ты действительно добиваешься того, чтобы я запретила тебе общаться с Васей?

Мой кулак срывается сам по себе и с глухим ударом врезается в стену рядом с её головой. Катя вздрагивает и вскрикивает, распахнув глаза от испуга.

— Ты ненормальная, — хрипло выдыхаю я. — Катя, ты действительно ненормальная. Ты ещё смеешь манипулировать Васей? И чего ты этим добьёшься, а? Ты только сильнее отталкиваешь меня своим поведением. Ты себя вообще слышишь?! Ты понимаешь, что творишь?!

Катя замирает, а потом резко меняется. Вся её агрессия будто оседает, плечи опускаются.

— Миш… — голос дрожит. — Как только эта девка снова появилась в твоей жизни, ты стал другим. Ты словно сам не свой… Я просто… просто хочу, чтобы ты был с нами. Со мной и Васей.

Она делает шаг ко мне, обвивает руками мою шею. Губы касаются щетины — настойчиво, отчаянно. Голос становится тише, мягче, почти умоляющим. По щеке скатывается слеза.

— Я люблю тебя, Миш. Я не отдам тебя никому. Прошу… останься…

— Нет, Катя, — я резко отстраняю её от себя. — Между нами всё давно кончено. И Лиза здесь ни при чём.

Смотрю ей прямо в глаза, не оставляя места для иллюзий.

— Завтра же извинишься перед Лизой. Поняла? — жёстко добавляю я. — И где Вася? Я хочу с ней поговорить. Если ты не умеешь нормально общаться с нашей дочерью — этим займусь я.

Катя качает головой, словно не веря услышанному.

— Она у родителей… Миш, что я тебе такого сделала? — всхлипывает она. — Я родила тебе дочь. Я люблю тебя. Я ради тебя на всё готова…

— Тогда начни вести себя адекватно, — отрезаю я. — Ладно, мне пора. Я надеюсь, ты меня поняла.

Я разворачиваюсь, чтобы уйти, и за спиной слышу её громкий, надрывный всхлип.

Но мне уже всё равно.

Я просто хочу выйти отсюда. Я не чувствую к Кате ничего, кроме уважения — как к матери моего ребёнка. Ни любви, ни той связи, которая когда-то держала нас вместе.

— Миш… — доносится вслед. — Прости меня… за всё…

Я уже открываю дверь. Не оборачиваюсь.

Я знаю: стоит мне вернуться — и всё начнётся по кругу. Сколько раз это уже было… Она плакала, клялась, обещала измениться. Я верил. Убеждал себя, что делаю это ради дочери.

Оставался у них. Просыпался утром рядом с Катей, смотрел на неё и думал, что это моя семья, что я должен быть с ними.

А потом…

Потом снова приходило это ощущение — тяжёлое, гнетущее. Понимание, что ничего хорошего из этого не выйдет. Что мы снова идём к одному и тому же концу.

Сейчас я понял это окончательно.

Хватит давать надежду — и ей, и себе.

И Ваське тоже. Потому что каждый раз, когда я ухожу, она цепляется за меня и не хочет отпускать, не понимая, почему папа снова исчезает.

Когда Андрей отвёз меня в сервис, я молча оплатил работу и, сев в уже заведённую машину, так и остался сидеть, уставившись в лобовое стекло. Двигатель тихо урчал, а мысли путались, не давая сдвинуться с места.

Как мне поговорить с Лизой? Как сделать так, чтобы она сказала мне всю правду?

Я верчу в руках телефон, будто он может дать ответ. Экран холодит ладонь. Я открываю контакты — пусто. Её номера там нет. Катя удалила его ещё после нашей свадьбы. Тогда мне казалось, что так будет проще. Что прошлое должно остаться в прошлом.

Но цифры я помню.

Я помню их слишком хорошо.

Вопрос лишь в одном: она сменила номер или нет? Если сменила — это будет знак. Если нет…

Я набираю цифру за цифрой. Пальцы дрожат, скользя по стеклу, сердце стучит где-то в горле. Каждое нажатие будто приближает меня к точке, после которой назад дороги не будет.

И что я ей скажу?

«Привет, Лиза?»
Слишком просто.
«Нам нужно поговорить?»
Слишком поздно.

Я смотрю на экран, где осталась последняя цифра, и понимаю: сейчас решается больше, чем просто разговор.

— Давай встретимся, Лиза? — беззвучно произношу я сам себе, так и не нажав кнопку вызова.

Телефон тяжелеет в руке. А вместе с ним — и всё, что я так долго пытался не чувствовать.

Глава 16

Вода стекает по коже, обжигая её крупными горячими каплями. Я невольно позволяю себе быть слабой — хотя бы на эти несколько минут. Слёзы смешиваются с водой и незаметно исчезают, смывая всю боль, обиду и несправедливость, которые так долго копились внутри.

В этот момент не нужно держаться, не нужно быть сильной. Можно просто стоять, закрыв глаза, и позволить себе отпустить всё лишнее, доверив воде то, что больше невозможно носить в себе.

Взяв самый жёсткий скраб, я начинаю растирать кожу резкими, почти отчаянными движениями. Она быстро краснеет, на ней остаются следы, но я продолжаю, словно пытаясь стереть не только усталость, а весь сегодняшний день целиком.

С каждым движением будто счищаются переживания, тревоги и тяжёлые мысли. Остаётся лишь горячая кожа, сбившееся дыхание и странное чувство облегчения — как будто вместе с этим слоем уходит всё лишнее, что больше не хочется нести с собой.

Я вылезаю из душа и медленно вытираю кожу полотенцем, ощущая, как в воздухе остаётся приятный сладковатый аромат кокоса от скраба. Накинув халат, быстро влезаю в тапочки и выхожу из ванной.

Громкий звук мультиков, которые смотрит моя дочь, смешивается с её звонким голоском и наполняет квартиру привычным, живым шумом. Каролина часто, играя в куклы, комментирует каждое своё действие, ведёт целые «разговоры», будто живёт в собственном мире.

Но сейчас в её голосе звучит что-то иное. Слишком связно, слишком осмысленно. Словно она действительно с кем-то разговаривает, а не просто фантазирует.

Я захожу в зал и вижу Каролину, сидящую на мягком ворсистом ковре с моим телефоном в руках. На первый взгляд — ничего необычного: она нередко берёт мой телефон и изображает важные переговоры, подражая взрослым.

— Мой папа далеко работает. Я его никогда не видела, — с серьёзным видом говорит она, поднимая ручки и активно жестикулируя. — Мама говорит, он обязательно приедет! — радостно добавляет дочь и вдруг поворачивается в мою сторону.

— Каролина, что ты делаешь? — спрашиваю я, всё ещё не до конца понимая происходящее и думая, что она просто разговаривает с воображаемым собеседником.

Но в этот момент она вскакивает на ноги и, не выпуская телефон из рук, мчится ко мне, радостно вереща.

— Мама, тут тебя какой-то дядя Миша…

Она протягивает мне телефон. Моя рука невольно вздрагивает, а внутри всё замирает, будто время на секунду остановилось. Я смотрю на экран, не до конца осознавая, что происходит, и чувствую, как по телу медленно расползается холодное тревожное непонимание.

— Алло… — выдавливаю я из себя едва слышно, даже не глядя на экран.

— Лиз, это я… — его голос звучит глухо, тяжело, прерывисто. Дыхание предателя словно заполняет собой всё пространство комнаты. Он замолкает на секунду, будто собираясь с мыслями, а затем продолжает чуть громче и увереннее: — Нам нужно поговорить. Прошу, не сбрасывай трубку…

Он говорит это так, словно имеет на это право. Словно не было этих лет молчания. Словно между нами не пролегла пропасть из боли, обид и предательства.

Я тут же замечаю, как Каролина, потеряв интерес к разговору, уходит к своим игрушкам. Сердце сжимается. Я резко выхожу из комнаты и направляюсь на кухню, закрывая за собой дверь. Руки дрожат.

Беру кувшин, наливаю себе воды, делаю большой глоток и задерживаю дыхание, пытаясь собраться. Но злость всё равно прорывается наружу.

— Ты издеваешься?! — срываюсь я, понизив голос, но не в силах скрыть надрыв. — Зачем ты мне звонишь?! Я не собиралась с тобой разговаривать, Миша!

Каждое слово даётся с трудом, словно режет горло.

— Ты вообще понимаешь, что ты сделал?! — продолжаю жёстко. — Годы тишины, а теперь ты просто берёшь и звонишь? Да ещё и разговариваешь с моим ребёнком… что-то у неё выпытываешь?!

Я сжимаю телефон так сильно, что белеют пальцы, чувствуя, как внутри поднимается старая, давно не утихшая боль — та самая, которую я так старательно училась не чувствовать.

— Лиза, успокойся… прошу тебя. Не кричи, — его голос становится мягче, почти заискивающим. — Я просто хотел пригласить тебя на кружечку кофе и всё обсудить…

— Что обсудить, Миш?! — взрываюсь я. — Я не собираюсь с тобой ни-че-го обсуждать! И передай своей женушке, что она добилась того, чего так хотела! С нового года у твоей дочери будет новый воспитатель!

Эмоции захлёстывают с головой, я больше не фильтрую слова, не пытаюсь быть сдержанной.

— Что?! Тебя уволили?! — почти взвывает он в трубку. — Лиза, я не знал… клянусь, я не знал! Я сказал ей, чтобы она извинилась… Господи, да что она за человек такой…

— Я сама уволилась! — резко перебиваю его. — Тот человек, которого ты выбрал несколько лет назад… Если ты забыл…

Я делаю паузу, собирая остатки самообладания.

— Прошу тебя, ради элементарного уважения, больше мне не звонить. Иначе я просто поменяю номер. Нас с тобой, слава Богу, больше ничего не связывает. Прощай.

Я уже собираюсь сбросить вызов, как он тут же начинает говорить быстро, сбивчиво, словно боится не успеть.

— Лиза, подожди, стоп! Я не дам тебе уйти с работы. Я заставлю её извиниться, слышишь? Лиз… я уже давно не живу с Катей. Нас связывает только Васька…

Я невольно усмехаюсь — коротко, пусто, почти беззвучно. Внутри будто что-то окончательно осыпается. Он ведь действительно не понимает, что моя работа — это моё всё. Это здоровье моей дочери и контроль за ней… Но унижать себя каким-то ненормальным я не позволю.

— Да мне плевать, с кем ты и где, — холодно отвечаю. — Оставьте меня уже все в покое. Наконец-то…

Он думает, что я сейчас же побегу к нему. Буду слушать его сущий бред про то, что он уже не с Катей… Наверняка поссорились, и ему просто стало скучно, как и тогда, когда поссорились мы, а он от скуки переспал с ней… Заделав ребёнка…

В трубке повисает напряжённая тишина. И вдруг его голос звучит иначе — тише, осторожнее, почти испуганно:

— Лиза… скажи… Каролина — моя дочь? Почему она никогда не видела своего отца?

Мир словно замирает на вдохе. Внутри меня бушует буря, которую я просто не могу сейчас остановить… Так просто… Спустя столько лет ему стало интересно, как я и что…

— Лиза, не молчи, пожалуйста… Я всё равно всё узнаю. Ты же меня знаешь… — в его голосе появляется привычная уверенность, та самая, от которой когда-то подкашивались колени.

И тут из меня вырывается тяжёлый, глухой смех — без радости, без облегчения. Конечно, он всё узнает. У него ведь есть деньги, как любила повторять его мать. А такие, как Миша, всегда считают, что могут купить правду, время и чужую жизнь, если кошелёк достаточно толстый.

Но он не посмеет лезть в мою жизнь. Не в этот раз. Один раз он уже её уничтожил — медленно, методично, растоптал и ушёл, даже не оглянувшись. А теперь вдруг решил вспомнить про меня, словно прошлое можно вернуть одним телефонным звонком.

— Твоя дочь — Василиса, Миш, — говорю я ровно, холодно, будто отсекая всё лишнее. — Больше сюда не звони.

Я нажимаю «сбросить» и на секунду замираю, ощущая, как внутри поднимается злость — горячая, живая, но уже не разрушающая…

Я ведь столько выдержала без него, столько прошла. Чтобы сейчас что? Упасть перед ним на колени и пустить в нашу с Каролиной жизнь?

— Мама, это папа Василисы тебе звонил? — стоит за дверью моя маленькая кнопочка и быстро моргает ресничками.

Она стояла и слушала разговор… Боже… Хоть она и ребенок, но уже столько всего понимает.

Не успеваю я ничего ответить, как она снова звонко говорит:

— Мам, а когда приедет мой папа? Я хочу с ним познакомиться… — грустно произносит она, утыкаясь мне в коленку лбом. — Можно еще раз посмотреть на его фото? — поднимает свои большие глазки на меня, а я мгновенно теряю дар речи, понимая, что если сейчас ей покажу его фотографию, то это будет конец.

Глава 17

Лиза

— Что это, Лиза? Я ничего не понимаю… — Анастасия Семёновна хватается за голову, когда я молча кладу заявление на стол.

Я обещала себе, что не останусь там, где меня не уважают. Где со мной не считаются как с педагогом, как с человеком. Работа в детском саду никогда не была моей мечтой — скорее вынужденным шагом, компромиссом с жизнью.

Но всё изменилось в тот день, когда я впервые вошла в группу и увидела этих малышей. Их доверчивые глаза, неуклюжие улыбки, маленькие ладошки, тянущиеся ко мне. Теперь они называют меня «дорогая Елизавета Сергеевна», бегут навстречу по утрам, приносят рисунки, криво вырезанные сердечки, поделки, сделанные своими руками и от всего сердца.

Каждый такой подарок — будто маленькое признание. И именно в эти моменты я остро понимаю, насколько сильно полюбила этих детей.

Я приходила на работу не просто отбыть часы. Я приходила жить. Отдавала всю себя без остатка — силы, терпение, тепло, заботу. Оставалась дольше положенного, переживала за каждого, радовалась их первым успехам больше, чем собственным.

И именно поэтому так больно.

Потому что уйти — значит предать не себя, а их.

Но остаться — значит позволить и дальше вытирать о себя ноги.

Я поднимаю глаза на Анастасию Семёновну и понимаю: решение принято. Как бы тяжело оно ни далось.

— Это заявление на увольнение. Я отработаю положенные две недели и уйду. Все ясно и просто, — отвечаю я спокойно.

— Но как это уйдешь?! Лиза, ты хочешь бросить детей среди года? Они же так к тебе тянутся…

— Анастасия Семеновна, или вы переводите эту девочку в другую группу, или я ухожу. Третьего не дано, — чувствую, как дрожит мой голос, я ведь всю ночь не могла уснуть. Тяжесть внутри от принятого решения разрушает меня. Я ведь хотела довести этих детей до выпускного, а потом уже думать о новой работе. Но теперь я просто не могу.

— Как это мы её переведем, Лиза?! Ты в своем уме?! Ее мать устроит потом нам скандал. Я же вам говорила, просила вас. Мне не нужны проблемы! — говорит заведующая. — А как же Каролина? Ты и её оставишь? Лиза, успокойся и сиди уже на месте. Куда тебе идти?

— Поверьте, Анастасия Семеновна, я найду работу. И дочь заберу с собой. Вы не переживайте. Продолжайте переживать за вашу репутацию. Если бы вам нечего было бы бояться, то вы бы думали прежде всего, что вы несёте!

— Что?! — она вскакивает, лицо наливается краской. — Ты мне дерзить будешь, Лиза?! Да как тебе не стыдно?!

Я чувствую, как внутри что-то окончательно ломается. Страха больше нет. Только усталость и горькая решимость.

— Стыдно должно быть не мне, — отвечаю я уже спокойно. И понимаю, что меня здесь больше ничего не держит. Выхожу из кабинета и принимаю детей как обычно, как делаю я уже изо дня в день.

Когда на пороге появляется мать Василисы, я сразу прошу Ларису Николаевну встретить девочку вместо меня, ссылаясь на занятость. Она молча кивает — мы обе понимаем: сейчас мне точно не хочется видеть ни её мать, ни тем более отца.

— Ну что, она ничего не говорила, Ларис? — спрашиваю я, заходя в группу чуть позже.

По растерянному виду нянечки сразу понимаю: что-то было. И явно неприятное.

— Ой, Лиз… лучше не спрашивай, — вздыхает она, неловко теребя край фартука. — Мне кажется, она сегодня вообще не в себе.

— Ларис, ну так что она говорила? — настаиваю я, уже заранее зная ответ.

— Говорила, что её ребёнок весь вечер плакал, — тихо отвечает она. — Что Василиса очень старалась показать себя в новой группе, а некомпетентный воспитатель даже не заметил её дочь…

Я медленно выдыхаю.

— Ясно… — вдумчиво произношу я, и в голове тут же всплывают вчерашние слова Миши. Его уверенные, почти наивные обещания, что Катя обязательно придёт извиняться. Не придёт.

Похоже, Миша для неё тоже не авторитет. Судя по всему, там такая корона на голове, что ей давно давит на глаза — и видеть она хочет только себя.

— Ты чего ничего не ешь? — спрашивает Лариса, а я чувствую, как в горле стоит ком, от которого и кусок не лезет.

— Чуть позже поем, — отмахиваюсь я. — Думаю о том, как буду говорить детям, что после праздников их будет ждать другой воспитатель…

После дневного сна и полдника в группу заглядывает Надежда Викторовна.

— Дети! Собираемся и идём в музыкальный зал, репетируем сказку!

Она ловит мой взгляд и жестом подзывает к себе. Я подхожу, вижу растерянность на её лице — и сразу понимаю: сейчас будет что-то неприятное.

— Елизавета Сергеевна, тут такое дело… — начинает она, заметно нервничая.

— Говорите, — отвечаю я, уже внутренне сжимаясь.

— В общем… я не знаю, чем вы так разозлили Анастасию Семёновну, но она приказала поставить на роль лисы эту девочку, — Надежда Викторовна понижает голос, — Честно говоря, я была в шоке. Я хотела сделать Каролину мамой-лисой, но мне сказали убрать Каролину и дать ей роль не связанную с лисой. Мне кажется, Анастасия Семёновна совсем сошла с ума… Но я ничего не могу сделать. Мне сейчас нельзя терять работу, — почти оправдывается она.

— А как она будет играть лису, если даже текста не знает? — невольно усмехаюсь я, чувствуя, как внутри всё закипает.

Всё, что мы придумывали. Все диалоги, репетиции, недели подготовки — всё это оказывается никому не нужным. Злость накрывает волной, руки начинают дрожать, и я сжимаю их за спиной, чтобы никто не заметил.

Я понимаю, что повлиять ни на что не могу. И самое страшное — я не знаю, как сказать об этом Каролине.

— Я не знаю, — вздыхает Надежда Викторовна. — Я пыталась ей объяснить, но она словно с цепи сорвалась. Мы можем придумать для Каролины ещё одну роль… только не сегодня. Сами понимаете, надо просто обдумать, куда и кем её поставить…

— Мама? Я правда не буду лисой?.. — Каролина появляется рядом так внезапно, что у меня перехватывает дыхание. В её глазах — тревога и надежда вперемешку, и я остро чувствую собственную беспомощность.

Я присаживаюсь перед ней, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё дрожит.

— Доченька, мы сейчас уходим. Хочешь поехать погулять? Куда-нибудь, где будет хорошо и спокойно. Сегодня устроим себе небольшой отдых от всего этого, согласна?

Я наклоняюсь ближе, обнимаю её, и в этот момент понимаю: я больше не могу здесь находиться. Руки дрожат, сердце бьётся так сильно, будто вот-вот вырвется из груди.

— А как же утренник? Мама… — она на секунду задумывается, а потом её глаза вдруг загораются. — Ну… вообще-то я бы хотела пойти развлекаться.

Я смотрю на неё и понимаю: сейчас единственное, что я могу для неё сделать, — увести её отсюда. И пусть думают что угодно. Если кто-то решил распоряжаться чужими судьбами по своему усмотрению, значит, и я имею право поступить так, как считаю нужным.

— Извините… — тихо говорит музыкальный руководитель. — Я сама не понимаю, что она творит…

— Вы не виноваты, — отвечаю я спокойно.

Я знаю её ситуацию. Знаю, что она не может пойти против абсурдных приказов заведующей, даже если понимает, насколько они несправедливы.

Я прошу Ларису заменить меня сегодня. Без лишних слов, без объяснений. И решаю уйти — тихо, возможно, некрасиво, но иначе я уже не могу.

Я возьму больничный с последующим увольнением. Напишу родителям. Найду день, чтобы попрощаться с детьми так, как они заслуживают.

Каролина пока не должна ничего знать. Дальше буду смотреть по ситуации.

Мой уход — это не слабость. Это единственный способ сохранить себя и того, кого любишь больше всего.

Глава 18

— Мама, а куда мы пойдём? — спрашивает Каролина, пока я аккуратно завязываю на её шее вязаный шарфик.

— Куда захочешь, милая, туда и пойдём, — улыбаюсь я, хотя улыбка даётся с трудом. Рвущая боль внутри не отпускает, не даёт расслабиться ни на секунду. Я так нервничаю, что мысли путаются, а руки едва слушаются.

Как взять себя в руки и сообщить родителям о своём уходе? Это ведь не просто — покинуть обычный офис и привычных коллег. Это дети. И мысль о том, что я могу их ранить, пугает сильнее всего.

— А можно в кино? На новогоднюю сказку? — с надеждой спрашивает Каролина. — Помнишь, мы хотели, мама?

Я киваю, и в глазах на мгновение темнеет. Сегодня я почти ничего не ела: тарелка каши — и всё. Потом целый день ходила, согнувшись от боли в желудке, будто организм тоже не выдерживал происходящего.

— Конечно, милая. Едем на сказку, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал бодро.

Достаю телефон и захожу в интернет — проверить сеансы и наличие билетов. Мысль о кино кажется маленьким островком спокойствия, за который я отчаянно цепляюсь.

Из детского сада мы выходим без последствий. Заведующая не замечает нашего ухода — и это даже к лучшему. Мне совсем не хочется вступать с ней в разговоры или, тем более, в конфликт при дочери. Каролина пока не понимает, что происходит. И я сделаю всё, чтобы как можно дольше сохранить для неё это ощущение обычного, тёплого дня.

Выйдя на свежий воздух, я неожиданно почувствовала лёгкость — будто грудь наконец наполнилась кислородом. Каролина радостно бежала впереди, загребая ладошками снег и разбрасывая его вокруг, смеясь так звонко, что на секунду мир показался почти нормальным.

Но это чувство длилось недолго.

Стоило нам выйти за территорию детского сада и свернуть на аллею, ведущую к остановке, как внутри меня вспыхнула ярость — резкая, обжигающая.

Навстречу нам шла Катя. А в нескольких шагах позади неё — Миша. Я замедлила шаг, машинально притянула Каролину ближе к себе и почувствовала, как сжимается челюсть. Сердце глухо ухнуло куда-то вниз. Вот уж кого я точно не ожидала увидеть сегодня. И уж точно — вместе.

Холод внезапно стал колючим, а воздух — тяжёлым, будто перед грозой. Поравнявшись с ними, я опустила голову, делая вид, что не замечаю их вовсе. Хотела просто пройти мимо. Но, конечно, это было не в стиле Кати.

Она резко остановилась, выпучила глаза в нашу сторону и тут же запищала — громко, истерично, привлекая внимание прохожих:

— Воспитатель, а что это вы раньше обычного детский сад покидаете? Нормально вообще?!

Она резко обернулась к Мише и, смеясь прямо мне в лицо, добавила:

— Миш, и ты перед таким воспитателем мне предлагаешь извиниться?!

Вот тут я больше не смогла сдержаться. Я больше не в саду. Мне больше не нужно быть удобной. Я почти уволена — и мне плевать. Я остановилась, медленно подняла голову и посмотрела ей прямо в глаза. Голос мой был не громким, но чётким, звенящим от напряжения:

— Екатерина Александровна, вас забыла спросить! Мне абсолютно всё равно на вас и ваше мнение. Радуйтесь: ваша девочка теперь будет спокойна. А вам бы стоило сначала научиться воспитывать собственного ребёнка, прежде чем лезть к другим. Меня вы больше не увидите.

Я почти прошипела последние слова, стараясь держаться только из-за дочери рядом. Каролина испуганно сжала мою ладонь. Я крепче перехватила её руку и, не оглядываясь, повела дочь мимо этой стервы.

Но Катя не смогла промолчать.

— А я сразу говорила, что вы недолюбливаете мою дочь! — заорала она мне вслед. — Теперь ваша дочь осталась без роли из-за ваших принципов! — засмеялась она громко. — Так что извиняться я как не собиралась, так и не собираюсь!

— Катя, что ты опять творишь?! Я же тебе сказал! — резко одёрнул её Миша, хватая за плечо. В его голосе прозвучала злость, едва сдерживаемая.

— Мама, я что, правда не буду участвовать в утреннике? Мама, почему? — снова дёргает меня Каролина.

И в этот момент у меня резко темнеет в глазах. Белый снег будто покрывается серыми пятнами, мир плывёт. Внутри вспыхивает дикий жар, ноги становятся ватными. Я с трудом различаю силуэты и только краем зрения замечаю, как Миша срывается с места и бежит в нашу с Каролиной сторону.

— Дочь, нам надо идти, — выдыхаю я, сильнее сжимая её ладонь и заставляя себя сделать шаг вперёд. Каждый шаг даётся с усилием, словно я иду по воде.

— Лиза, стой! Подожди! — доносится до меня его голос, глухой, сквозь писк в ушах.

Я оборачиваюсь на мгновение и вижу: он бежит к нам уже один. Кати рядом нет.

— Дочь, срочно встань сюда! — говорю я резко, собирая последние силы. — Отойди от проезжей части!

Я хватаю Каролину и почти силой ставлю её подальше от дороги, заслоняя собой. В голове стучит одна мысль — только бы она была в безопасности.

Мир окончательно начинает кружиться.

Я понимаю: ещё секунда — и я потеряю сознание.

Силы стремительно уходят. Я понимаю, что мне срочно нужно куда-то присесть, хоть на бордюр, хоть на землю, но рядом не было ничего подходящего. Ноги подкашивались, пространство вокруг плыло.

— Мамочка? — испуганно схватила меня Каролина за куртку, будто пыталась удержать меня на ногах.

Я схватилась за голову, расстегнула пальто — воздух хоть немного должен был остудить это безумное пламя внутри. Дышать становилось всё тяжелее. Я стала искать в сумке что-то сладкое, так как примерно понимала, что со мной происходит.

— Лиза, что с тобой? — он оказался рядом почти мгновенно.

Я хотела ответить, объяснить, оттолкнуть его… но не смогла. В горле пересохло, слова не шли. Только резкий прилив жара, тошнота и сильнейшее головокружение.

Миша не растерялся.

Он подхватил меня под руку, другой рукой взял Каролину и уверенно повёл нас к своей машине. Я почти не сопротивлялась — просто не было сил.

Если бы я могла стоять на ногах…

Если бы сознание было ясным…

Я бы влепила ему звонкую пощёчину и не позволила бы больше касаться ни меня, ни нашей с дочерью жизни.

Но состояние было слишком тяжёлым.

Скорее всего, снова упал сахар. Такое уже случалось. Пару раз. И каждый раз это начиналось именно так — внезапно, пугающе, беспощадно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.